

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

СМЕРТЬ

НА ВЗЛЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Смерть на взлетной
полосе (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Смерть на взлетной полосе (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-98647-7

В своем рабочем кабинете покончил жизнь самоубийством командир подмосковной военной авиабазы. Спустя некоторое время при странных обстоятельствах погиб его предшественник. Что это – трагическая случайность или спланированная преступная акция? Разобраться в обстоятельствах дела поручено полковнику МВД Льву Гурову. Он прибывает на место и приступает к опросу потенциальных свидетелей. Но те упорно молчат. Понимая, что за гибелью офицеров кроется какая-то тайна, Гуров вынужден пойти на провокацию, которая грозит ему смертельной опасностью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98647-7

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Смерть на взлетной полосе	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Леонов, Алексей Макеев

Смерть на взлетной полосе (сборник)

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Смерть на взлетной полосе

Глава 1

– Лев Иванович, задержись на минуту!

Закончив утреннее совещание, генерал Орлов уже отпустил офицеров, но в последний момент вдруг вспомнил, что один вопрос так и остался нерешенным.

Полковник Гуров, направлявшийся с коллегами к двери, остановился и удивленно посмотрел на генерала.

– Ты когда последний раз ездил в командировку? – хитро улыбаясь, поинтересовался Орлов, когда кабинет опустел и они с Гуровым остались один на один.

– Буквально на днях, – не моргнув глазом соврал тот, сразу догадавшись, к чему задан вопрос.

– Не вводи руководство в заблуждение. После Нового года еще ни разу не ездил. Не скучно? Все в Москве да в Москве?

– Я люблю родной город.

– Это хорошо. Но прекрасного и в других местах много. Например, есть такой очень интересный город Покровск. А рядом с ним очень интересные объекты.

– А на объектах очень интересные происшествия?

– Угадал. Там авиабаза недалеко, одна из самых крупных у нас. Слышал про самолеты, «Белые лебеди»? Бомбардировщики «Ту-160». Вот уж красавцы! Глаз не отвести. Съезди, полюбуйся.

– Да я по телевизору посмотрю, – тут же отреагировал Лев, все еще надеясь отделаться от этой неожиданной-негаданной свалившейся на него командировки.

– По телевизору в этот раз не получится, Лева, – становясь серьезным, проговорил Орлов. – С одной стороны, у нас конкретный сигнал есть, а с другой – и объект это стратегический, не какая-нибудь там шарашка. Здесь, можно сказать, вопросы государственной важности затрагиваются. Если на подобные беспорядки сквозь пальцы смотреть, то о какой национальной обороне мы вообще сможем говорить?

– А речь о национальной обороне?

– Можно и так сказать. Если командиры частей в мирное время один за другим на тот свет отправляются, о чем здесь, по-твоему, может идти речь?

– По-моему, о чем угодно. Слабое здоровье, нервные стрессы, пьяные драки...

– Не смешно, Лев!

– Простите, если что не так. Но этот Покровск – самая глубинка. В диверсию как-то плохо верится.

– А вот ты и выясни. Разберись, что там к чему. Диверсия ли это, или личные счеты, или просто несчастный случай. Объект важный, да и потерпевшие люди не последние. Не какой-нибудь там лейтенантик желторотый, сам командир части жертвой оказался. Причем не один, а двое.

– Вот даже как? Еще и второй? Это уж как-то и впрямь необычно.

– О том я тебе и толкую. Не простая там ситуация. Разберись. Дело нам прислали, материалы Степанов тебе передаст, посмотришь. А вкратце могу сказать, что вся петрушка эта у них закрутилась после того, как они вертолет испортили.

– Какой вертолет?

– Хороший. Современный, боевой. «Ночной охотник» называется, слышал, наверное. Там у них на базе самолеты в основном. Истребители да вот еще «Лебеди» эти. Вертолетов

немного. Но у них техническое оснащение очень хорошее, кадры опытные. Поэтому к ним иногда из других частей присылают технику на ремонт, в том числе и вертолетную. Вот так и попал туда этот «Охотник».

– То есть он для них даже не «родной»?

– Нет. Только на починку прибыл. А вместо этой починки они его «нечаянно» уработали так, что в результате не текущий, а капитальный ремонт пришлось делать.

– Ловко!

– Еще как ловко. Когда начали разбираться, вообще за голову схватились. Выяснилось, что боевую машину довели до ручки не по какой-то там серьезной уважительной причине, а, мягко говоря, в результате несанкционированного использования.

– Покататься захотелось? – усмехнулся Гуров.

– Именно! Представляешь себе? Это все равно что на танке в булочную съездить. Только танк-то, скорее всего, целым останется, даже если и управлять им не сумеют. А с летной техникой в этом плане сложнее. Тут уж если с управлением не справился, машину, считай, потерял.

– Что, в хлам разбили? – заинтересованно спросил Гуров.

– Да нет, говорю же – на капитальный ремонт ушла. Значит, оставалось еще что ремонтировать. Но командира части, при котором это произошло, в должности, конечно, понизили. И, я тебе скажу, еще очень гуманно поступили. За такое и под суд попасть недолго. Хороши игрушки – боевой вертолет!

– Наверное, боевые товарищи поддержали, не дали в обиду, – предположил Лев.

– Может быть. Всех тонкостей я не знаю, это уж тебе придется на месте выяснять. А я хочу сейчас в общих чертах обрисовать обстановку. После того как командира этого сместили, на его место заступил новый товарищ. Сначала как и. о., а потом и на постоянный режим перевели, все как положено оформили.

– Сработался, значит, с коллективом?

– Может быть, и сработался. Только, как оказалось, ненадолго. В целом не проработал он в этой части и полугода. И уже будучи постоянным ее начальником, в один прекрасный день пустил себе пулю в лоб. Из собственного табельного пистолета.

– Вот это да!

– Вот тебе и «да». Сорок три года, жена, двое детей, отличный послужной список, прекрасные отзывы отовсюду. Со всеми ладил, с каждым мог найти общий язык, ни запоев, ни депрессий даже в помине не было. И – такой финал. Самоубийство, можно сказать, во цвете лет. И без каких бы то ни было видимых причин.

– Чем дальше, тем интереснее.

– То ли еще будет! – обнадежил Орлов. – Хочешь верь, хочешь нет, а не прошло и двух недель после этого самоубийства, как убитым нашли и предыдущего командира.

– Того, при котором разбили вертолет?

– Да.

– Тоже самоубийство?

– Нет, тут гораздо интереснее. Оказывается, у этого бывшего командира, фамилия его Курбанский, были какие-то счеты с одним подчиненным. Рядовой авиаинженер, из молодых. Он и в части-то недавно, только-только институт окончил. А вот поди ж ты. За короткое время так сумел начальству насолить, что этот Курбанский, если верить слухам, чуть ли не травлю ему организовал. Все, как водится, всё знали, но вмешиваться, разумеется, не спешили. Кому нужны лишние проблемы? Смещенный он или не смещенный, а все же начальник. На неприятности нарываться никто не хочет. Так что инженера этого он доставал систематически и без помех со стороны. И, похоже, в какой-то момент достал. Как-то велел ему этот Курбанский вертолет осмотреть...

– «Ночной охотник»?

– Нет, попроще, «Ми-8», кажется. Да это в деле есть, сам посмотришь. Фишка не в том, какой вертолет, а в том, что в результате этого осмотра Курбанский с ножом в горле оказался. А на рукоятки – отпечатки того самого авиаинженера.

– Нормально! Но тогда все здесь, кажется, ясно. Самоубийство – оно самоубийство и есть, а в случае с убийством – убийца налицо. И сам на месте, да еще и улики неопровержимые. В чем тут разбираться? Похоже, командировка не нужна вовсе.

– Не спеши с выводами. Во-первых, ехать придется в любом случае, хотя бы уже потому, что, как я тебе сказал, оттуда сигнал поступил. У этого парня, авиаинженера, невеста очень активная. В виновность его она не верит и уже обошла с жалобами все предыдущие инстанции. Остались только мы.

– На ноже его отпечатки, а она не верит?

– Представь себе. Но даже не в невесте дело. Отпечатки отпечатками, Лева, но если хочешь знать мое мнение – не все в нем так просто, слишком уж явно, слишком очевидно выстроились обстоятельства. Как будто специально этот парень сам себе так все подстроил, чтобы его с поличным взяли. Пырнул ножом своего врага и сидел рядом, поджидал, когда их обоих обнаружат. Не дурак же он, в самом деле. Как-никак авиаинженер, хоть какое-то соображение иметь должен. Да и сам он все отрицает, несмотря на отпечатки. Да и самоубийство это... Странно все как-то. Непонятно. Что-то загадочное в этой части творится. Убийство за убийством. Вот и среди новобранцев там недавно убийство случилось.

– Еще одно?! – изумленно вскинул брови Гуров. – Просто какой-то урожай на убийства.

– То-то и оно. Правда, в этом случае, как я понял, убийство произошло по неосторожности. Наверное, кто-то из новичков не сориентировался в обстановке да и попал «под раздачу». Такое бывает. Но в целом ситуация складывается довольно двусмысленная. Так что это заявление от невесты, по сути, только повод. Официальная причина – произвести проверку. Вот и произведи. Ты человек опытный, сразу поймешь, что к чему. Иди сейчас к Степанову, возьми у него дело, а завтра можешь выезжать. Или вылетать, как тебе удобнее. Туда и поездом, и самолетом можно добраться. А я с коллегами созвонюсь, предупрежу, чтобы тебя ждали.

– Не забудьте про хлеб-соль напомнить. Я каравай с поджарочкой люблю, – усмехнулся Лев.

– Обязательно напомню. Приветственную делегацию тебе организую от муниципалитета, – сострил в ответ Орлов. – Кстати, нужно попробовать номер в гостинице забронировать. Этот Покровск – не такой уж всемирный туристический центр, места должны быть. Прикажу Ольге подсуетиться. Чтобы на месте ты устроился без хлопот и сразу приступил к делу, не отвлекаясь на постороннее.

Генерал вызвал секретаршу, а Гуров отправился к одному из своих коллег, следователю Степанову. Забрав увесистую папку с документами по делу, он прошел в свой кабинет. Там первым делом посмотрел в Интернете расписание, чтобы определиться, когда и на чем ему лучше отправиться в «интересный город Покровск». Оказалось, что самолеты прибывают туда в очень неудобное время – как раз к концу рабочего дня. Поезд же, хотя и идет почти целую ночь, приходит как раз тогда, когда нужно – ранним утром.

«Ничего страшного, что дорога займет больше времени, – подумал Лев, заказывая билет. – Зато можно будет спокойно почитать дело».

Решив основные вопросы, касавшиеся предстоящей командировки, он занялся текущими делами.

Его рабочее время, как обычно, было насыщено до предела, и в течение дня он так и не нашел свободной минутки, чтобы изучить содержимое папки. Поэтому несколько часов свободного времени, которые обеспечивало путешествие в поезде, оказывались очень кстати.

К вечеру текущие дела были приведены в порядок. Теперь полковник с чистой совестью мог отлучиться на несколько дней, не опасаясь, что его отсутствие отрицательно скажется на основной работе.

– Маша, собери мне саквояж походный, – едва успев войти в квартиру, огорошил Гуров неожиданной новостью жену. – Я сегодня вечером уезжаю.

– Вот тебе раз! Что за срочность такая? Покушение на президента?

– Почти. Вопрос национальной безопасности, – слегка усмехнулся Лев, вспомнив озабоченное лицо Орлова. – Быстренько меня покорми, да, пожалуйста, и отправлюсь. Скоро поезд, нужно успеть.

– Ты хоть скажи, куда едешь. Или военная тайна?

– Нет, почему тайна? На авиабазу в Покровск. Там что-то количество убийств на единицу летного состава все мыслимые нормы превысило. Орлов отправил разбираться.

– Правильно, больше ведь некому.

– Не сердись. Я отбрыкивался как мог, но, видно, судьба.

– Не иначе.

Саркастически усмехнувшись, Мария пошла собирать «походный саквояж», а Гуров остался за столом, торопливо доедая картофельное пюре.

Времени до отхода поезда и впрямь оставалось немного. Он вызвал такси и, чмокнув на прощание жену, отправился на вокзал.

В купе, кроме самого Гурова, ехал только один пассажир. Это был пожилой, совсем не общительный мужчина, который почти сразу лег спать.

Довольный, что ему достался такой ненавязчивый сосед, Лев вытащил наконец дождавшуюся своего часа папку. Перебирая находившиеся там документы, он принялся внимательно изучать дело об убийстве, которое предстояло ему расследовать повторно, по следам покровских оперативников.

О том, что местом преступления на сей раз явилась кабина вертолета, он уже знал из рассказа Орлова, поэтому протокол осмотра читал бегло, фиксируя лишь основные моменты. Но на самой середине бесконечно-подробного описания кабины сбавил скорость и стал читать внимательнее.

«...множественные повреждения приборов, а также наличие инородных фрагментов указывают на использование взрывного устройства. В связи с характером повреждений определить тип устройства не представляется возможным».

– То есть это что же получается? – вслух недоуменно проговорил Лев. – Получается, что этот инженер сначала бомбу заложил, а потом еще и ножом пырнул ненавистного начальника? Хм. Занятно. Это как же нужно было человека довести.

Но ответом на этот риторический вопрос был только храп, донесшийся с верхней полки, и он стал читать дальше.

Если верить протоколам, убийца был задержан на месте преступления. Он находился тут же, в кабине вертолета, причем пребывал в «неадекватном состоянии» и, по-видимому, не собирался никуда убегать.

Это был некто Китаев Максим Юрьевич, служивший в той же части и выполнявший обязанности авиаинженера. Поскольку убийцу взяли с поличным, за протоколом осмотра сразу же следовал протокол допроса.

Китаев все отрицал. Он утверждал, что понятия не имеет, откуда на ноже могли взяться его отпечатки, говорил, что ничего не знает ни о какой бомбе. Единственный пункт, по которому следователям удалось получить подтверждение, – это взаимная неприязнь между ним

и бывшим командиром части. Здесь Китаев отказываться не стал, но и в подробности не вдавался. На вопросы отвечал коротко и с явной неохотой, которая просматривалась даже сквозь сухие протокольные строки.

Относительно причины, по которой он оказался в кабине вертолета, авиаинженер тоже высказался несколько странно.

Он утверждал, что пошел туда, выполняя распоряжение Курбанского, чтобы протестировать гидросистему «Ми-8», в которой, по утверждению последнего, имелись неполадки. На замечание о том, что подобные функции входят скорее в обязанности техников, а не авиаинженеров, Китаев ответил, что выполнял приказание старшего по званию. А приказы не обсуждаются.

Так было записано в протоколе. Но, вникнув в смысл этой фразы, Лев решил, что следователь, проводивший допрос, по-видимому здесь многое смягчил.

Кем бы ни был этот «старший по званию», заставлять дипломированного специалиста выполнять неквалифицированную работу по меньшей мере странно. А если учесть «личные счета», о которых в разговоре упоминал Орлов и от которых не отказывался и сам Китаев, тогда подтекст этой отредактированной фразы становился понятен.

«Похоже, эксплуатировал парня по полной, – думал Гуров. – Пускай и пониженный в должности, но для него-то этот Курбанский так и остался начальником. «Старшим по званию» во всех смыслах. Так что при желании «сладкую жизнь» мог устроить очень легко. И желание это у него, похоже, имелось. Чем же он ему так досадил, этот Китаев?»

Следователя, который допрашивал Китаева, этот вопрос, видимо, тоже интересовал, так как вскоре полковник обнаружил его в протоколе. Но ответ подозреваемого снова не порадовал подробностями.

«Не сумел свои грехи на меня свалить, поэтому и мстил», – прочитал Гуров загадочную фразу.

Что эти слова означают, следователю выяснить не удалось. На все уточняющие вопросы Китаев отделивался не менее загадочным: «Спросите у своих коллег».

Полковник не удивился тому, что, задав еще несколько незначительных вопросов, следователь закончил допрос. В подобных «упорных» случаях он и сам не всегда находил способ вытянуть информацию.

Да и о чем еще было спрашивать? Каковы бы ни были отношения Китаева с бывшим командиром части, факт остается фактом – парня взяли с поличным на месте преступления. Все яснее ясного, и, в сущности, надо было только соблюсти формальности, необходимые для передачи дела в суд.

Но, как ни странно, после ознакомления с протоколом допроса Гуров никакой ясности не ощущал.

«Прав Орлов, что-то здесь не так, как-то слишком уж все очевидно. Чересчур. Как будто спектакль срежиссированный. И бомба эта... Для чего она понадобилась? Можно, конечно, предположить, что парень заранее установил ее в этой кабине, как-то узнав, что туда вскоре пойдет Курбанский. Но соваться самому, подставляя себя под удар, да еще и дополнительно совать в горло нож, а потом оставаться после этого преспокойно ждать, когда его застанут рядом с трупом и отпечатками, – это как-то уж слишком. Это нужно совсем в голове серого вещества не иметь. Что-то здесь не так».

После протокола допроса основного подозреваемого шли еще несколько протоколов с опросами свидетелей. Из них Гуров узнал, что в здании, где размещалась администрация части, слышали взрыв, после чего несколько человек отправились на летное поле, чтобы выяснить, в чем дело. Подойдя к вертолету, они обнаружили Китаева и Курбанского.

Опросы сослуживцев также подтвердили, что между авиаинженером и бывшим командиром части были неприязненные взаимоотношения.

Больше ничего особенного из материалов дела Гуров не узнал. Впрочем, было совершенно очевидно, что следователи и не старались слишком глубоко «копать». Для них, по-видимому, все было ясно с самого начала.

Но, к счастью для Максима Китаева, на его стороне оставались люди, не готовые столь поспешно доверять очевидному.

После протоколов и документов с результатами экспертиз, подтверждающими первоначальные предположения следствия, Гуров обнаружил в деле многочисленные копии заявлений некой Ларисы Петровой.

Это были очень эмоциональные опусы, разительно отличавшиеся от обычного сухого стиля официальных бумаг. Там содержались хотя и ничем не обоснованные, но очень пылкие и настойчивые утверждения о полной непричастности Максима к убийству, а также заверения в том, что все это подстроено тем же Курбанским, задумавшим «сжить со свету» ее жениха.

Ничуть не смущаясь тем, что в итоге именно Курбанский и оказался главным потерпевшим во всей этой истории, возмущенная девушка призывала органы внутренних дел «раскрыть глаза» и «восстановить истину».

На каждом последующем заявлении красовался все более солидный адрес, пока очередь не дошла до Москвы.

Содержание везде было приблизительно одинаковым, и, пробежав глазами последнюю бумагу, Гуров решил, что с девушкой тоже не мешало бы пообщаться.

«Как знать, может, кроме этих всплесков, у нее найдется что-нибудь более конкретное. Факты, наблюдения. Не может быть, чтобы такая твердая уверенность базировалась на одной лишь пламенной любви. Должно быть и что-то реальное».

Когда Гуров закончил читать дело, был уже третий час ночи.

Аккуратно собрав бумаги в папку, он разложил казенную постель на нижней полке. С удовольствием растянувшись на узком ложе, он вскоре последовал примеру своего соседа, давно уже видевшего сладкие сны.

В Покровск поезд прибыл точно по расписанию. Ровно в девять утра Гуров сошел на перрон и, выйдя на привокзальную площадь, взял такси.

– В прокуратуру! – коротко бросил он в ответ на вопросительный взгляд обернувшегося к нему водителя.

После этих слов взгляд из вопросительного моментально превратился в настороженно-испуганный. Втянув голову в плечи, как будто зная за собой некоторые грешки, шофер завел машину и в полном молчании довез Гурова до нужного места.

– Пожалуйста, – притормозив, проговорил он.

Внутренне усмехаясь инстинктивному испугу провинциальной водилы, полковник рассчитался и вошел в здание прокуратуры.

Когда он показал дежурному удостоверение и сообщил, по какому делу прибыл, то сразу отметил большое оживление. Парень в стеклянной будочке, до этого момента казавшийся пребывающим в летаргическом сне, начал активно нажимать какие-то кнопки, куда-то звонить и минуты через три этой лихорадочной деятельности взволнованно сообщил:

– Пройдите на третий этаж, пожалуйста. Кабинет 311. Вас там встретят.

Поднявшись в лифте и пройдя по пустынным коридорам, Гуров уже собирался вежливо постучать в дверь, на которой красовалась цифра «311», но тут она сама отворилась, как по волшебству, и в проеме появился средних лет светловолосый мужчина. Он счастливо улыбался, будто встретил долгожданного гостя, и протягивал руку для пожатия.

– Здравствуйте, здравствуйте! Мне уже звонили насчет вас. Еще вчера. Говорили, что вы приедете. Проходите, присаживайтесь, – все так же радостно улыбаясь, говорил он. – Сколько

хлопот из-за нас! Таких важных людей напрасно беспокоили. Добилась-таки своего эта малахольная. И до Москвы дошла.

– А вы, значит, думаете, что напрасно?

– Конечно, напрасно! Дело выеденного яйца не стоит. Все на поверхности. И мотив, и орудие.

– И преступник, – внимательно глядя в своего собеседника, проговорил Гуров.

– Да, и преступник. Отпечатки на ноже – какие еще доказательства нужны? Яснее ясного. Нет же, ей все неймется.

– А вы... простите, как ваше имя-отчество?

– Сырников. Сырников Сергей Степанович. Можно просто Сергей. И на «ты». У нас тут по-простому.

– Хорошо, Сергей. Если я правильно понял, ты ведешь это дело, так?

– Да, я.

– А ты разговаривал с ней, с этой «малахольной»? Узнавал, почему она так уверена в невинности своего жениха? Может, у нее есть какие-то факты, доводы. Может, это действительно меняет дело?

– Да какие там у нее факты! А то я баб этих не знаю. «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» – вот и все доводы. Вы не подумайте, я не просто так. Не с ветру вам говорю. Мы тут тоже не лыком шиты, работу свою знаем. И факты все я перепроверял, и с Ларисой этой встречался. Все как положено. Только нет там ничего. Не от чего делу меняться. Все как с первого раза выяснилось, так до сегодняшнего дня и осталось. Так что хотя и рады мы встретить у себя московских, как говорится, коллег, но что до всего прочего – могу только повторить: напрасно вы время теряете. Зря приехали. Нечего там доследовать. Все, что было, уже исследовали.

– Но раз уж я все-таки приехал, может, ты устроишь мне встречу с обвиняемым? Хотелось бы поговорить с ним.

– Не вопрос. Вам всегда зеленый свет. Чем сможем, обязательно посодействуем. Сейчас позвоню в изолятор, скажу, чтобы доставили его в комнату для допросов. А то в госпитале вам, наверное, неудобно будет беседовать.

– Китаев в госпитале? – изумленно спросил Гуров. – А что случилось?

– Но как же... Вы читали дело?

– Да, разумеется.

– Тогда как же... Ведь там написано. В кабине вертолета была заложена бомба.

– Да, я помню, об этом написано в деле.

– Тогда что же вас удивляет? Бомба взорвалась, Китаев получил ранения. И Курбанский тоже. А уже после этого, увидев, что взрыв оказался слабым и насмерть Курбанского не убил, Китаев добил его ножом.

Сырников излагал все это с таким беззаветным простодушием, что полковник не знал, что и думать. Ни в выражении лица, ни в интонациях не замечалось ни малейшего подвоха или иронии, и в то же время невозможно было поверить, что взрослый здравомыслящий человек может серьезно говорить подобные вещи.

«Китаев заложил бомбу, чтобы Курбанский погиб от взрыва, и сам устроился рядом. Не иначе как для того, чтобы самолично оценить, будет ли сила взрыва достаточной, чтобы «убить насмерть». А когда понял, что заряда маловато, «добил ножом», благо в тот момент очень кстати находился поблизости. Кто из нас троих идиот? Сырников? Китаев? Или я сам? – не переставая изумляться, думал Гуров. – Какой дурак, подложив взрывное устройство, сам полезет под удар вместе с жертвой?»

Но, похоже, его покровский коллега никаких противоречий в подобной ситуации не находил. Напротив, она казалась ему совершенно естественной и даже дополнительно подтверждающей вину Китаева.

– Все эти ранения только для отвода глаз, – убежденно говорил Сырников. – Вот, мол, и я тоже пострадал, значит, непричастен. А нож и бомбу барабашка подсунил. Незнакомый тайный злодей. Понятно, теперь он что угодно может говорить. И про то, что от ужасного взрыва сознание потерял, и про то, что не видел и не слышал ничего. Только вся эта «конспирация» белыми нитками шита. Мы-то уж знаем. Не первый день по убийствам работаем. Повидали всяких.

Сказав это, Сырников взял трубку и набрал чей-то номер.

– Борис Петрович? Сырников беспокоит. У тебя кто в изоляторе сегодня дежурит? Витя? Хорошо. Предупреди его, что сейчас к нему по поводу Китаева подъедут. Да, как я говорил, гости наши из Москвы. Да уже прибыли. Гуров Лев Иванович. Прошу любить и жаловать. Распорядись там, чтобы Китаева из госпиталя доставили. Ну как куда, в шестнадцатую, как обычно. Там тихо, спокойно. Посидят, поговорят. Все проверят, – усмехнулся Сырников, бросив короткий взгляд на Гурова. – Пускай столичные коллеги воочию убедятся, что мы тут тоже не баклуши бьем, дело свое знаем. Сделаешь? Лады!

Закончив разговор, Сырников вновь с улыбкой взглянул на Гурова:

– Вы, наверное, в городе пока не ориентируетесь, так что могу сказать кому-нибудь из ребят, кто на машине, чтобы до места вас доставили. А то прямых маршрутных рейсов у нас к изолятору нет, полдня будете добираться.

– Буду благодарен, Сергей.

Сырников ненадолго вышел из кабинета, чтобы договориться о машине. Результаты этих переговоров превысили все ожидания Гурова. Оказалось, что из уважения к столичному гостю транспортным средством решил поделиться непосредственный начальник Сергея. Он предоставил полковнику свою служебную машину с водителем, передав через следователя, что уважаемый гость может распоряжаться ею по своему усмотрению.

Через несколько минут Лев уже сидел в черной «Волге», слушая неумолкающую болтовню бойкого вихрастого парня по имени Сеня.

– У нас тут в последнее время только и разговоров, что об этой «летке», – говорил Сеня. – То убийства у них там, то самоубийства. Да вот еще курсантика какого-то тоже шлепнули. Типа – нечаянно.

– Как это – шлепнули? – уточнил Гуров.

– А кто их знает, как, – легкомысленно ответил Сеня. – Говорят, то ли взорвалось у них там что-то, то ли обрушилось. А парнишка слабым оказался, взял да и помер. Теперь как убийство по неосторожности квалифицируют. Только что-то за последнее время многовато стало у них там неосторожностей этих.

– А про самоубийство что говорят? – поинтересовался полковник.

– Про самоубийство? Про это почти ничего. Самоубийство – оно самоубийство и есть. Что там говорить? Тем более – большой начальник. О таких делах не больно-то распространяются, сами понимаете.

Тем временем «Волга» выехала на городскую окраину и вскоре притормозила возле невзрачного трехэтажного здания.

– Вот он, изолятор, – доложил Сеня. – Милости просим. Сходите, поговорите. А я вас подожду. Можете не беспокоиться, обратно тоже с комфортом доставим.

Лев вошел в здание изолятора, показал дежурному удостоверение, и тот сразу же провел его в комнату, где находился подозреваемый.

В небольшом помещении перед столом сидел молодой парень. Взглянув на него, Гуров сразу вспомнил всемирно известные фотографии Юрия Гагарина. Открытое лицо с правиль-

ными и довольно приятными чертами меньше всего склоняло к мысли, что перед вами – злодей. В глазах читалась усталость, но в общем выражении лица не было ни угрюмости, ни озлобленности. Из-под свободной рубашки, в которую было одет парень, выглядывали бинты, а на правом плече виднелись следы ожога.

Гуров отослал охранника, присматривавшего за Китаевым, пока его не было, и устроился за столом.

– Добрый день, – проговорил он. – Меня зовут Гуров Лев Иванович. Мне поручено провести дополнительное расследование по вашему делу. Максим Китаев, правильно?

– Правильно, – нахмурившись, произнес парень. – Хотя не сказал бы, что день такой уж добрый.

– Что вы можете добавить к своим показаниям?

– А что там добавлять? Все, что знал, я рассказал.

– Хорошо. Давай так, – сказал Лев, поняв, что сухим официозом здесь многого не добьешься. – Своим ты рассказал, они твой рассказ, как смогли, зафиксировали, и я протоколы изучил. Но сам я здесь человек посторонний, обстановку не знаю. Расскажи мне, как было дело. В документах есть нестыковки, я действительно хочу разобраться.

Китаев вопросительно глянул в лицо полковнику, как бы решая, верить или не верить. Но через минуту произнес:

– Ладно. Может, и правда что выйдет. Если вы от них не зависите, тогда... В общем-то, ничего особенного там не было, – подумав, продолжил он. – Этот вертолет, в котором все произошло, – он старый, по-моему, даже списанный давно. Но у Курбанского он чем-то вроде личного авто был. Куда он только на нем не летал. И к друзьям на фазенды, и по делам своим личным. Соответственно за машиной тщательно следили, чтобы все было в исправности, чтобы с дорогим начальником чего нехорошего в полете не случилось. Хотя, строго говоря, никто не обязан был списанную машину обихаживать. Но тут уж, как говорится... приказы не обсуждаются.

– То есть он не только тебя заставлял исполнять свои прихоти? – уточнил Гуров.

– Да почти всех! – в сердцах бросил Максим. – Вся часть от него стонала. А об этих курсантиках бедных и говорить нечего, как только он их не мучил!

– Но, если я правильно понял, особое внимание он оказывал именно тебе. Почему, если не секрет?

– Потому что все «косяки» свои хотел на меня свалить и на занимаемой должности остаться. А не получилось. Вот и решил, что это я во всем виноват. Хотя не я его, а наоборот, он меня принуждал нарушать правила. Считаю, силком в этот вертолет затащил, управлению мешал, не знаю, как вообще сели, а потом меня же во всем и обвинил.

– Погоди, какой вертолет? – в недоумении спросил Гуров. – Это тот «Ми-8», где, как ты сказал, все произошло?

– Да нет, другой. Это раньше было. Тот случай, из-за которого его сместили.

Поняв, что ему предоставляется шанс узнать подробности, которые не прочитаешь ни в каких протоколах, Гуров наострил уши.

– Он ведь не только на «Ми-8» катался, – продолжал Максим. – Мог и другую технику запросто «освоить». Разве что на истребителях не устраивал «экскурсии» своим знакомым. А что попроще, кажется, все уже перепробовал. Как приедет кто «в гости», так и начинается. Сначала напьются в кабинете, потом в раж войдут, на приключения тянет. Вот и в тот раз так же вышло. Прислали к нам вертолет на ремонт. «Ночной охотник». Хорошая боевая машина. И неполадки-то не особенно глобальные были. С приборами там... хотя ладно, вам это неинтересно. В общем, привели мы его в порядок и уже отправлять «домой» собирались, когда к Курбанскому в очередной раз дружба нагрязнула. А я, как на беду, как раз в ту ночь дежурил.

Напились они, как водится, и Курбанский давай хвастаться, что он здесь царь и бог. Это у него любимая тема. Дескать, что хочу, то и ворочу, любую технику могу по своему желанию использовать. Тут и взбрело ему, что, мол, раз уж на дворе ночь, нужно на «Ночном охотнике» полетать. «Тестирование, – говорит, – сделаем». И, как назло, я ему на глаза не вовремя попался. «Будешь, – говорит, – у нас за пилота».

– А ты разве пилот?

– В том-то и дело, что нет! – воскликнул Максим. – Конечно, когда учился, была у нас и такая практика. Надо же знать, как оно все в действии работает, приборы и прочее. Доводилось и летать, и часы у меня есть, это само собой. И все же я ведь не летчик. А машина серьезная, боевой вертолет. Но ему разве объяснишь? Глаза вытаращил, орет как бешеный. Как с ним разговаривать?

– Значит, бывший командир хотел устроить на «Ночном охотнике» экскурсию для своих друзей?

– Да, я же сказал.

– Но, насколько я знаю, в боевых машинах не предусмотрены места для пассажиров. Как же он собирался их там разместить?

– Вот именно! В том-то и дело, что не предусмотрены! Я ему так и сказал. Ничего, говорит, я его к тебе на коленочки посажу. Шутник! В «Ми-8», там только два места – для пилота и для оператора, или, по-другому, для стрелка, как кому больше нравится. Так он умудрился на каждое место по два человека засунуть. Одного ко мне впихнул, действительно чуть не на колени, а с другим сам внизу уселся. Там такая конструкция кабины, что оператор ниже пилота размещается. Набились мы туда, как сельди в бочку, а он доволен, дружков своих подбадривает: «Теперь будете всем хвастаться, что на боевом вертолете летали».

– И что, никак нельзя было отказаться? – спросил Гуров.

– А как я ему откажу? Он – начальник. Запросто может уволить. А у меня отец... Мой отец всю жизнь в этой части работает. Можно сказать, ветеран. Он так рад был, что я тоже по его стопам пошел. Говорит – династия. Он бы не пережил, если бы меня из части вышвырнули. Приходилось терпеть. В общем, влезли мы в эту кабину, Курбанский и говорит – заводи, мол, полетели. Как будто это мопед ему. Шутник! Тут еще этот друг его перегаром дышит, того гляди задохнешься. Я понял, что просто так не отделаться. Подумал – в воздух машину подниму, авось успокоятся.

– В такой ситуации еще и в воздух смог поднять? – удивленно взглянул на парня Лев.

– Смог. Да там все почти автоматизировано. Не очень сложно. Другое дело, что настоящий дурак любую электронику свести с ума может. Это да. С этим проблема. А мне, похоже, в соседи как раз дурак и попался. Все ему интересно, везде лезет. В общем, от аэродрома мы недалеко улетели. Не знаю, чего он там сделал, только стала машина крениться, перебои пошли, и я уж думал, что полет этот последним окажется. И не только для машины. Правда, высоту я небольшую держал. Мне и Курбанский такие «ценные указания» выдал, давай, говорит, на сверхмалых попробуем. Этот вертолет, что нам прислали, он современной модификации, может даже на пяти метрах от земли летать. Вот и попробовали. На сверхмалых. Короче, сели мы, можно сказать, набок. И винт повредили, и... Эх, да что там говорить! Уделали машину так, что любо-дорого. Ладно, хоть без человеческих жертв обошлось. А этот – нет чтобы спасибо сказать за то, что жив остался, так он еще всю вину на меня попытался свалить. Сам меня заставил, его друзья мешали мне управлять, и я же еще оказался виноват.

– В чем? – уточнил Гуров.

– Самовольно взялся пилотировать машину, не имея допуска.

– Ловко!

– Еще как ловко! Я когда об этом узнал, просто дар речи потерял. То есть выходит, что порча вертолета полностью на моей совести оказывалась. Что сам Курбанский не только здесь

ни при чем, а даже как рачительный начальник взыскание готов наложить. Хорошо, отец мне помог. Если бы не он, так бы и засудили. Но уж он постарался. И с людьми говорил, и подписи собирал. Конечно, по полной, как следовало бы, Курбанский тоже не получил, но зато хоть сам я под суд не попал. Так на нет и сошло. С меня вроде основные обвинения сняли, но и он в части остался, только в должности понизили. А какая разница? Низший или высший, для меня он так и остался начальником. А поскольку афера его не удалась, начал мстить. Дескать, не мытьем, так катаньем со свету тебя сживу. По каждой мелочи придирался. Чуть что не так – сразу рапорт. Вот и с вертолетом этим тоже. То есть я не про «Охотника» сейчас, я «Ми-8» имею в виду. Разве это авиаинженера обязанность проверять ее, гидросистему эту столетнюю? У меня, если уж на то пошло, даже специализация совсем другая. Да и вообще это техники должны делать, а он меня заставил. И попробуй возразить. Приказы не обсуждаются.

– Так, Максим, отсюда давай поподробнее, – сразу сосредоточился Гуров. – Значит, в тот день Курбанский велел тебе проверить исправность гидросистемы на старом «Ми-8». Так?

– Так.

– Что было дальше?

– А что было? Ничего особенного. Прошли мы к вертолету, стал я проверять, что там и как, а Курбанский тут же рядом отирался, контролировал. Потом я двигатели запустил, они начали мощность набирать. И тут ни с того ни с сего как рвануло! Я даже не понял откуда. В плечо ударило, обожгло, я сознание потерял. А когда очнулся, смотрю – приборы разворочены, а на полу Курбанский лежит. И нож у него торчит в горле. Потом голоса услышал, гляжу – от администрации целая толпа к вертолету направляется. Там у нас недалеко от летного поля здание административное находится, – пояснил Максим, – где все наше начальство заседает.

– У Курбанского кабинет там же? – поинтересовался Гуров.

– Да, и у него. Взрыв мощный был, а сейчас лето, окна открыты, наверное, услышали и решили посмотреть, что случилось. Этот «Ми-8», он в качестве такси недалеко от здания стоял, чтобы всегда, как говорится, под рукой быть.

– А до того как от администрации подошла эта толпа, рядом с вертолетом кто-нибудь был? Мог кто-нибудь видеть, что там происходит?

– Если кто-нибудь был, увидел бы, – тяжело вздохнул Максим. – Не сидел бы я сейчас здесь, если бы нашлись свидетели. В том-то и дело, что никого не было. У нас вообще по летному полю без дела гулять не принято, а тогда еще как раз и обед был. Так что алиби мое подтвердить некому.

Ситуация складывалась двойственная. С одной стороны, полковник видел, что Китаеву доказать свои слова нечем, и версия следователя Сырникова имеет полное право на существование. Но с другой – несуразности, которые отметил он в этой версии, отнюдь не прибавляли ей достоверности, а бесхитростный рассказ парня, помимо воли, вызывал доверие.

«Если это не Китаев, тогда кто? – размышлял Гуров. – Все устроено так, чтобы подставить этого парня. А погиб между тем Курбанский. Что это может значить? Истинный убийца по-настоящему ненавидел именно бывшего командира части и наказать хотел именно его. А Китаева использовал как пешку в игре. Зная, что у него с Курбанским трения и что о них всем известно, он подстроил все так, чтобы у окружающих сложилось впечатление, будто здесь сыграла некая вендетта.

Предположение казалось правдоподобным, но и оно оставляло много открытых вопросов. Чтобы подложить бомбу в кабину вертолета, нужно было заранее знать, что Курбанский там появится, и знать, когда именно.

Каким образом убийца мог загодя получить подобную информацию? Этого полковник пока не знал.

– Хорошо, Максим, я тебя понял, – вновь обратился он к парню. – Правда, с доказательствами у тебя, конечно, слабовато, но если существуют какие-то факты, подтверждающие твой рассказ, я их найду.

– Правда? – с надеждой взглянул на него Максим.

– Правда. Я за этим и приехал.

– Хорошо бы. Хотя и то уже хорошо, что вы хоть выслушали меня спокойно. А то местные наши следователи даже в предположении мой рассказ не принимают. Мол, все выдумки, да басни.

– Посмотрим, – осторожно сказал Гуров. – Чуда я тебе не обещаю, но что смогу, сделаю.

– Спасибо и на том. Хотя не напрасно Ларка пороги обивала.

Выйдя из изолятора, Гуров вновь устроился на мягком сиденье «Волги».

– Послушай, Сеня, – сказал он. – А как твое начальство посмотрит, если мы с тобой сейчас не в прокуратуру, а на авиабазу съездим? Как думаешь, одобряют такой план?

– Не знаю, – растерянно ответил Сеня, явно застигнутый новостью врасплох. – Это мне позвонить нужно. Вы посидите тут, отдохните. Я сейчас.

Он вышел из машины и, отойдя в сторонку, стал эмоционально говорить что-то в трубку.

Не очень понимая смысл этой конспирации, полковник терпеливо ждал.

– Порядок! – наконец сообщил Сеня, вновь садясь за руль. – План одобрили, можем ехать.

Глава 2

Авиабаза, на которой произошли недавние трагические события, располагалась на значительном расстоянии от Покровска. Но жилой комплекс, где обитала основная часть личного состава, находился в черте города.

– Вот она, наша «летка», – сказал Сеня, указывая на фундаментальный железобетонный забор, давно уже тянувшийся с левой стороны дороги.

– Закрыто надежно, – оценил Гуров. – Что, такой секретный объект?

– Был когда-то. Теперь-то уж давно там все открыто. Только объезжать каждый раз приходится. Чтобы внутрь заехать, нужно всю эту ограду обогнуть.

Предвидя, что ему, возможно, придется побывать здесь без сопровождения, Гуров внимательно осматривал местность, которую они сейчас проезжали.

Вскоре в массивном ограждении действительно замаячила брешь, и у основной трассы появилось ответвление, уводящее влево.

– Вот. Отсюда можно заехать, – кивнул на поворот Сеня. – Сюда и маршрутка ходит. Вон, видите, остановка. А уж на базу общественным транспортом не попасть. Там только служебные автобусы.

Слушая его, Лев изучал открытый проем в заборе, куда уводила прилегающая дорога. Судя по наблюдениям, доступ в этот жилой комплекс был свободным. В проеме не было ни шлагбаумов, ни контрольно-пропускных пунктов, и на территорию летного городка, по-видимому, мог без всяких ограничений попасть любой желающий. Выяснив это, он с удовлетворением отметил, что и у него не должно возникнуть проблем, если ему вдруг захочется навестить кого-нибудь из родственников Максима или побеседовать с его невестой.

Тем временем черная «Волга» приближалась к обширной территории, на которой располагалась одна из крупнейших в стране авиационных баз.

Огромное летное поле, где стройными рядами стояли разномасштабные военные самолеты, произвело на Гурова неизгладимое впечатление.

Две главные линии на этой своеобразной «стоянке» образовывали «Белые лебеди», поражающие габаритами, а также мощные, с забавно приплюснутыми носами «Медведи», бомбардировщики «Ту-95».

Колонны истребителей, уступавших разве что размерами, но имевших не менее впечатляющую внешность, и небольшой парк вертолетов довершали картину.

– Что, впечатляет? – улыбаясь, спросил Сеня, перехватив взгляд полковника.

– Более чем, – честно признался тот. – Наяву это гораздо внушительнее, чем, например, по телевизору, – добавил он, вспомнив разговор с Орловым.

– Еще бы! Но вы, наверное, с кем-то из руководства хотите пообщаться, не с летчиками. Вам тогда в администрацию нужно. Вон, видите здание кирпичное? Там они все квартируют.

– Дождешься меня?

– Конечно! У меня ведь тоже своя администрация есть. Мне поручено, я исполняю. Не волнуйтесь, буду на месте.

С кем именно из администрации надо поговорить, Гуров определил для себя, еще выезжая из СИЗО. Поэтому, предъявив удостоверение на проходной, он без обиняков заявил, что ему нужен командир части.

Ознакомившись с документами, дежурный не выразил ни малейшего удивления, как будто только и ждал того момента, когда прибудет полковник из Москвы. Он позвонил куда-то по внутренней линии и, закончив разговор, коротко сориентировал:

– Второй этаж, налево. Кабинет 212.

Перейдя «вертушку», Лев поднялся на второй этаж и вскоре уже входил в просторное помещение, где современная офисная мебель была расставлена на коврах, сплошняком устилавших пол в лучших традициях советской эпохи.

– Добрый день, – вежливо поздоровался он с высоким темноволосым мужчиной, поднявшимся из-за стола ему навстречу. – Полковник Гуров. Я провожу дополнительное расследование по поводу обстоятельств гибели Курбанского Леонида Григорьевича. Вашего, по-видимому, предшественника.

– Обстоятельств убийства, вы хотели сказать? – с некоторым нажимом уточнил собеседник.

– Дело не в названии, – уклонился от прямого ответа Лев. – Вы, как я понимаю, не так давно на этой должности. Если не секрет, раньше вы имели какое-то отношение к этой воинской части?

– Самое прямое. Я работал заместителем у Игоря Михайловича.

– Это прекрасно, но, к сожалению, в отличие от вас сам я не имел к этому подразделению такого непосредственного касательства. Игорь Михайлович – это?..

– Иванников Игорь Михайлович. Его назначили командиром части после того, как сместили Курбанского. Присаживайтесь, пожалуйста, неудобно разговаривать стоя.

– Вот оно что, – вполголоса, как бы про себя произнес Гуров, опускаясь на стул. – То есть вы были хорошо знакомы с этим... с Игорем Михайловичем?

Он вновь вспомнил разговор с Орловым и то недоумение, с которым генерал упомянул про «самоубийство во цвете лет» командира, назначенного после проштрафившегося Курбанского.

Узнав, что очередной руководитель части до этого работал в самом тесном контакте с самоубийцей, полковник подумал было, что это поможет внести ясность в обстоятельства его загадочной смерти. Но дальнейшая беседа показала, что надежды эти были ничем не оправданны.

– Мы вместе работали и, разумеется, общались. Но только в деловых рамках. Мы не дружили семьями, если вы это имели в виду, – отрывисто обронил его собеседник, сохраняя на лице полное отсутствие выражения.

– Но... простите, ваше имя-отчество?

– Гремин Василий Захарович.

– Но, Василий Захарович, ведь для того чтобы составить мнение о человеке, необязательно дружить семьями. Вы виделись и контактировали каждый день, этого вполне достаточно, чтобы понять характер человека, определить, что он собой представляет. Как повашему, Иванников был склонен к эмоциональным, спонтанным решениям? Часто он действовал, находясь под властью порыва?

– По-моему, нет. Игорь Михайлович был очень уравновешенным человеком. Он не только не принимал решений, руководствуясь какими-то порывами, но я даже не слышал, чтобы он когда-нибудь голос повышал. Это был очень корректный, сдержанный и воспитанный человек. И, признаюсь, я не совсем понимаю, почему вы обо всем этом спрашиваете.

– Причина очевидна. Ведь в части произошло не только убийство. Незадолго до этого здесь имел место суицид, и в обоих случаях в качестве жертвы выступает, так сказать, первое лицо. Два командира части, бывший и действующий, один за другим отправились на тот свет, согласитесь, это не может не вызывать вопросов.

– А вам поручено расследовать суицид? – холодно и как-то отчужденно проговорил Гремин.

– Мне поручено провести комплексную проверку, – в тон ему ответил Гуров.

– Так или иначе, мне больше нечего добавить к сказанному. С Игорем Михайловичем мы встречались только на работе, и его самоубийство для меня такая же неразрешимая загадка, как и для всех.

– Хорошо, – кивнул Лев, поняв, что по этой теме больше ничего не добьется. – Но, надеюсь, относительно недавнего убийства вам есть что сказать. Есть версия, что между Курбанским и авиаинженером существовала давняя неприязнь. Что вам известно об этом?

– То же, что и всем. Ходили слухи, что они из-за чего-то повздорили, но в чем именно там заключалось дело, я не вникал. Считаю недопустимым вмешиваться в чужие личные отношения. И не люблю, когда вмешиваются в мои.

Чем дальше продолжалась эта крайне неконструктивная беседа, тем больше Гуров убеждался, что от нее никакого толку не будет.

«Такое ощущение, что он заранее ответы на все вопросы себе на бумажку записал и наизусть вызубрил, – размышлял он, выслушивая очередную дежурную фразу. – Предварительная подготовка ощущается явно. Не для того ли Сеня консультировался с начальством, прежде чем меня сюда везти? Он доложил своим, те доложили Гремину. Атас, дескать, полная боевая готовность – неприятель близко. Нет, похоже, у вышестоящих мне здесь больших результатов не добиться. Нужно попробовать окунуться в массы».

Лев поднялся с места и не хуже самого Гремина изобразил на лице официально-доброжелательную улыбку:

– Что ж, спасибо за содержательную беседу, вы мне очень помогли. Дополнительно мне бы хотелось осмотреть место преступления, но если к этому есть какие-то препятствия...

– Нет, отчего же, – тоже вставая, произнес Гремин. – Никаких препятствий. Я сейчас распоряжусь, вас проводят.

И как только Гуров вновь появился у проходной, ему навстречу поднялся молодой парень, чем-то напоминавший Сеню, только одетый в специальную униформу. По-видимому, это был один из техников, обслуживающих самолеты.

– Здравствуйте! – бодро проговорил он. – Это вы хотели вертолет посмотреть? Идемте, я покажу.

Пока шли к вертолету, Лев раздумывал о том, у кого можно получить достоверную информацию о внутренних взаимоотношениях в части. В происшествии с Курбанским, несомненно, немалую роль сыграли интриги, и, чтобы получить четкое представление о ситуации, вопрос этот необходимо было прояснить. «Неплохо было бы пообщаться с личным составом вдали от начальственного контроля, – думал он. – Сейчас тут, похоже, все предупреждены и вооружены. Нерушимой стеной стоят на страже «чести мундира». Нужен какой-то неофициальный случай. Ситуация, в которой развяжутся языки. Нужен подходящий повод».

Но повода «поговорить по душам» с кем-то из личного состава у полковника пока не было, и приходилось довольствоваться тем, что посылает судьба.

В данный момент она послала ему кудрявого веснушчатого парня, по-видимому, очень жизнерадостного и оптимистичного. Сопровождая Гурова к вертолету, он все время улыбался.

– Вот он, страдалец наш, – сказал парень, подходя к машине. – Видите, как досталось бедному. Теперь тут ремонта на месяц. Да и неизвестно еще, как выйдет. Приборы менять нужно, а они устаревшие все, таких уж, наверное, и не выпускают давно.

– А для чего тогда его ремонтировать? – на ходу ловя шанс выйти на нужную тему, спросил Лев. – Если машина настолько устарела, что даже приборов под нее не выпускают, списать ее, да и вся недолга. Для чего она такая нужна?

– Не знаю, может, на что и сгодится, – уклончиво ответил веснушчатый парень. – Это не ко мне вопрос. Это к начальству.

– А что, начальство им очень дорожит, этим вертолетом? – дожимал Гуров.

Почувяв, что разговор выходит на скользкую тему, парень окончательно смутился и даже отошел немного назад, как бы устраниаясь от дальнейшего общения.

– Не знаю, – растерянно пробормотал он, и, видимо, на сей раз и вправду затрудняясь с ответом. – Вы тут смотрите, что хотели. А я... я приду сейчас. – И, быстро отойдя к одной из технических построек, стал ковыряться возле нее, делая вид, что сосредоточенно чем-то занимается.

«Да, подготовительная работа, похоже, проведена на совесть, – усмехнулся про себя Гуров. – Вот и попробуй поищи здесь поводы для откровенных разговоров. Начальство выносить сор из избы явно не хочет, а подчиненным нарываться на неприятности еще меньше резона. Вот и ищи здесь истину».

Он подошел вплотную к вертолету и начал осматривать развороченную взрывом кабину. С первого взгляда было понятно, что заряд использовался довольно мощный. Прямо перед креслом, предназначенным для пилота, в корпусе зияла внушительная воронка, а от приборов, расположенных на передней панели, остались только воспоминания.

«Интересно, а вот эти вот вывороченные куски железа проверяли на отпечатки? – думал полковник, рассматривая повреждения. – Если рассказ Максима правдив и здесь действовал кто-то третий, он мог появиться только в небольшой промежуток времени между взрывом и моментом, когда парень пришел в себя. То есть, вполне возможно, где-то в кабине есть его отпечатки. Ведь взрыв уже произошел, и он не мог их уничтожить. Убийце нужно было нанести удар, причем довольно сильный. А здесь и без того тесновато, а в тот момент, когда в кабине находились два человека, наверное, вообще нельзя было развернуться. Чтобы как следует ударить, убийце нужна была точка опоры, и на этой точке он неминуемо должен был оставить свои пальчики.

Кроме того, чтобы успешно воплотить в жизнь свой замысел, преступник постоянно должен был держать ситуацию под контролем. Ему важно было вовремя подключиться к процессу и довести дело до конца, а для этого необходимо было знать, что происходит в кабине вертолета. Находиться внутри он не мог, значит, скрывался где-то поблизости».

Выглянув из кабины, Лев осмотрелся вокруг в поисках подходящего места и сразу понял, что таких мест здесь больше чем достаточно.

Даже небольшая постройка, возле которой стоял сейчас его незадачливый «конвоир», вполне подходила для подобной цели. «Если Курбанского убил, а точнее, добил, не Китаев, все могло происходить примерно так, – продолжал он размышлять. – Убийца заложил бомбу и спрятался за одной из этих загадочных конструкций. Экскурсии по летному полю здесь, похоже, происходят нечасто, так что вполне вероятно, что этих маневров никто не заметил. Тем более если парень из местных и внутренний распорядок знает хорошо. Он дождался, когда в кабине окажутся Китаев и Курбанский, и привел в действие бомбу. Скорее всего, устройство в данном случае было радиоуправляемым. После взрыва неизвестный злодей вышел из укрытия, чтобы проверить результаты. Выяснив, что оба «пациента» остались живы, он вложил нож в руку находившегося без сознания Максима, чтобы образовались отпечатки. А после этого вонзил его в шею Курбанскому, смерть которого и являлась истинной целью всех этих хитрых маневров. Кстати, откуда он взялся здесь, этот нож? Нужно будет уточнить у Сырникова».

За всем этим стоял еще один самый главный вопрос, на который пока не было ответа: каким образом убийца мог знать, что Курбанский и Китаев окажутся в данное время в данном месте?

– Я закончил, – громко произнес Гуров, повернувшись к кудрявому парню, и вполголоса добавил: – Веди меня, страж ты мой бдительный.

Вернувшись к «Волге», в которой терпеливо ждал его Сеня, он велел ему ехать обратно в прокуратуру.

Короткая «разведка боем» со всей очевидностью показала, что официальными путями на авиабазе ничего не добиться. Куда бы он ни пошел и с кем бы ни захотел поговорить, его, несомненно, так и будут сопровождать по пятам, прикрываясь самыми благовидными предлогами. А очередной «респондент», конечно же, загодя будет предупрежден о его приближении и встретит его заранее подготовленными ответами на все вопросы, так же, как встретил его Греммин.

Такой расклад Гурова совершенно не устраивал. Поэтому он решил внушить своим не в меру настойчивым опекунам мысль о том, что собирается устроить себе «перерыв на обед», надеясь, что, узнав о том, что он в ближайшее время не собирается предпринимать активных действий, от него отстанут, и он сможет спокойно поработать.

– Хочу передохнуть немного, – сказал Лев, вновь поднявшись в кабинет Сырникова. – Я ведь к вам прямо с поезда, даже в гостиницу еще не заходил, а для меня номер специально забронировали. Надо хоть появиться там, не зря же люди старались.

– Да, конечно, – с энтузиазмом поддержал Сырников, явно очень довольный такими планами приезжего «контролера». – Разумеется, вам нужно отдохнуть с дороги. В поезде-то от Москвы целую ночь, поди, тряслись.

– Да почти двенадцать часов.

– О, тогда конечно! Конечно, нужно отдохнуть. А в какой гостинице? Где вам оставили номер? Если хотите, я скажу Сене, он отвезет. Машина на сегодня в полном вашем распоряжении, так что не стесняйтесь.

– Буду очень признателен, – расплылся в благодарной улыбке полковник, поняв, что от дружеской помощи не отбиться. – Да, кстати! Хотел уточнить. Этот нож, который нашли в горле Курбанского, как он оказался в кабине?

– Нож? – в каком-то странном замешательстве переспросил Сырников. – А что нож? Понятно, откуда нож. Его Китаев захватил с собой, когда собирался совершить преступление. Это же совершенно очевидно.

– В самом деле?

– Конечно! А как иначе? Он ведь не мог знать точно, сможет ли с помощью взрыва покончить с Курбанским. Это не давало стопроцентной гарантии, поэтому и прихватил нож, чтобы в случае чего, так сказать, оперативно отреагировать.

Чем дальше говорил Сырников, тем увереннее звучал его голос, но первоначальная его заминка не ускользнула от внимания Гурова. Он понял, что его собеседник раньше не задавался вопросом о том, откуда в кабине вертолета мог появиться нож, и этот вопрос явился для него полной неожиданностью.

– А сам подозреваемый что на это говорит? – поинтересовался он. – Подтверждает, что принес нож с собой?

– Подозреваемый-то? – снова слегка замялся Сырников. – Он... он, конечно, все отрицает. И нож не его, и убивал не он. Уперся как баран, хоть ты тресни. Отпечатки совпали – какие еще доказательства нужны? Но – нет. Не убивал, и все тут! Вместо того чтобы чисто-сердечным признанием смягчающие обстоятельства себе заработать, он как будто специально хочет еще больше свою вину усугубить. Уж говорил ему, говорил. Нет! Ни в какую! Что в лоб, что по лбу.

По мере продолжения этого прочувствованного монолога Сырников все больше распалялся. Последние слова он выкрикнул в сердцах и с таким чувством, словно Максим был ближайшим его родственником, за которого он искренне переживал. Но опытный оперативник за этим шквалом эмоций видел лишь желание прикрыть недобросовестно сделанную работу и боязнь, что допущенные оплошности будут выявлены.

«Да, расследование проведено со всей тщательностью, тут ничего не возразишь, – с саркастической усмешкой думал он, выходя на улицу. – Похоже, после того, как на рукоятке ножа

обнаружили отпечатки, никакими дополнительными вопросами никто даже не задавался. Главным фактором, склонившим всех к тому, что виновен именно Китаев, были его натянутые отношения с Курбанским. Все знали, что они «в контрах». Поэтому, когда Курбанского нашли мертвым, да еще рядом с Китаевым, ответ на вопрос: «Кто виноват?» – возник автоматически. А материалы дела, осознанно или подсознательно, просто подгонялись под готовую версию. Впрочем, даже и подгонять особенно не пришлось. Отпечатки-то на ноже именно Китаева, а не чьи-то. Да, если парня хотели подставить, сделано это просто виртуозно, нельзя не признать. Здесь и знание психологии, и прекрасная ориентация во всех тонкостях местных интриг. И ум, и сообразительность. Да и в готовности рисковать товарищу не откажешь. Можно сказать, прямо у всех на глазах провернул дело. Кто же это здесь такой способный?»

За размышлениями полковник не заметил, как прошел мимо знакомого черного силуэта. Лишь когда услышал позади себя резкий автомобильный сигнал, он вспомнил, что гостеприимные хозяева твердо решили сопровождать его во всех передвижениях.

Гостиница, в которой ему забронировали номер, по странному стечению обстоятельств, называлась так же, как и машина, – «Волга».

– А, эта! – уверенно произнес Сеня, услышав название. – Эту я знаю. Она в самом центре. Правда, подъезжать туда неудобно, ну да ладно, справимся как-нибудь.

Прокуратура города Покровска тоже была расположена недалеко от центра, так что путь до гостиницы занял считанные минуты.

– Я бы спокойно пешком дошел, – сказал Лев, вылезая из машины.

– Ничего, ничего, – успокоил его Сеня, по-видимому решивший, что человеку неловко оттого, что он других утруждает по пустякам. – Вы – гость. Вам полагается.

Гостиница «Волга» представляла собой небольшое аккуратное строение, чистенькое и ухоженное, своим внешним видом наводившее на мысль об уютной респектабельности. Внутреннее содержание тоже соответствовало этому неявному послы.

Предъявив документы и получив ключи от номера на втором этаже, Гуров прошел по бесшумным, застеленным коврами коридорам и вскоре оказался в небольшой комнате, такой же чистенькой и ухоженной, как и все здание. Здесь имелось все необходимое для комфортного кратковременного пребывания.

Полковник принял душ и заказал в номер кофе и легкий завтрак.

Через полчаса он уже был готов продолжать свое дополнительное расследование по этому неоднозначному делу, на первый взгляд казавшемуся таким очевидным.

Размышляя обо всем увиденном и услышанном в это утро, Гуров все яснее убеждался, что всякая попытка завести «доверительный разговор» с кем-либо из личного состава заранее обречена на провал. Любой потенциальный собеседник наверняка окажется либо специально проинструктированным по данному вопросу, либо сам не захочет говорить, опасаясь нарваться на неприятности.

Единственным, кому в этом плане было нечего терять, кроме самого Максима Китаева, был его отец. Он, как и сын, не только не был заинтересован в том, чтобы скрывать «домогательства» Курбанского в отношении своей семьи, но наверняка готов будет поделиться и такой информацией, которую все остальные предпочтут скрыть за семью печатями.

В деле, которое передал ему Орлов, имелись координаты основных фигурантов. Семья Китаевых жила в той самой «летке», мимо которой недавно вез его на авиабазу словоохотливый Сеня. И полковник хорошо запомнил его слова о том, что туда ходит маршрутка. А уж если в эту местность ходил общественный транспорт, в том, что маршрут освоен таксистами, можно было не сомневаться.

Позвонив на ресепшен, полковник попросил, чтобы ему вызвали машину, и через несколько минут снова сажился в «Волгу», но на сей раз уже в желтую.

«Похоже, в Покровске это самая распространенная марка автомобиля», – с усмешкой подумал он.

Приблизительно через полчаса пути Гуров увидел с левой стороны уже знакомое бесконечное ограждение. Проехав его по периметру, машина повернула на территорию летного городка.

Миновав ряды старых пятиэтажек, стоявших вдоль автомобильной дороги, водитель свернул в какие-то загадочные лабиринты деревьев и домов. Поблуждав среди них минут пять, он остановился перед древним трехэтажным строением, весьма условно подходящим под наименование «жилой дом».

– Вот он, шестнадцатый, – произнес таксист, кивая на невзрачный фасад, покрытый живописными трещинами и многочисленными «ранами» от облупленной штукатурки. – Вам сюда.

Расплатившись, Гуров вышел и осмотрелся на местности.

Он находился внутри дворовой территории, образованной несколькими панельными девятиэтажками и допотопными строениями вроде дома № 16. Здесь, если верить адресу, указанному в деле, должен проживать Китаев Юрий Петрович, отец и, как недавно выяснилось, коллега главного обвиняемого.

Рабочее расписание Китаева-старшего полковнику не было известно, поэтому не факт, что он сейчас находится дома. Но Гурову не первый раз приходилось действовать наугад, и, поднявшись на второй этаж, он решительно надавил на кнопку звонка, находившуюся рядом с дверью квартиры № 6.

За дверью послышались неторопливые шаги, щелкнул замок, и Лев увидел перед собой седого мужчину среднего роста и плотного телосложения, одетого в майку и поношенные треники.

– Добрый день, – приветливо улыбнулся полковник, довольный, что хозяин оказался на месте. – Китаев Юрий Петрович?

– Да, – в замешательстве ответил мужчина.

– Очень приятно. Полковник Гуров. Вот, пожалуйста, – протянул он удостоверение. – Я из Москвы. Мне поручено провести дополнительное расследование по факту гибели Леонида Курбанского. Мы можем поговорить?

Появление гостя для Юрия Китаева, по-видимому, было большой неожиданностью. С минуту он молчал, переводя удивленный взгляд с самого Гурова на его «корочки» и обратно. Потом, собравшись с мыслями, отступил немного назад в квартиру и сказал:

– Проходите.

– Благодарю, – ответил Лев. – Извините, что без предупреждения явился прямо домой, но мне хотелось пообщаться в неофициальной обстановке. Это не займет много времени, у меня всего лишь несколько вопросов.

Произнося эти дежурные фразы, Лев хотел успокоить хозяина квартиры, явно не знавшего, как ему вести себя в такой ситуации, и, конечно, даже предположить не мог, что начатая беседа не только займет гораздо больше времени, чем он планировал, но вообще затянется до позднего вечера.

Поначалу Китаев держался настороженно и отчужденно. Но когда понял, что Гуров не «купленный» московский чиновник, приехавший лишь для того, чтобы соблюсти формальность, а что он действительно хочет во всем разобраться, Китаев стал гораздо откровеннее.

Он угостил полковника чаем и в неспешной беседе поведал ему много нового и интересного об истории своей семьи, а также о внутренних взаимоотношениях на авиабазе...

... Юрий Петрович Китаев работал авиатехником и считался старожилом в части. Он был очень доволен, что сын поддержал семейную традицию и, выучившись на инженера, стал работать вместе с ним. Думал, что складывается династия.

Но в самом начале служебной карьеры Максима произошел случай, перевернувший с ног на голову всю жизнь и послуживший причиной самых разнообразных и неожиданных неприятностей, которые стали происходить впоследствии и привели к столь трагичному и неожиданному финалу.

– Этот Курбанский, он всегда творил что хотел, – рассказывал Китаев. – Как же, большой начальник. И до случая с вертолетом, да и после тоже. Не особенно-то его напугали. Но это расследование хоть немного его остепенило, а раньше вообще никакой меры не знал. Разные там внеплановые «экскурсии» у него чуть не каждую неделю случались – перед знакомыми своими все покрасоваться хотел. Ему, мол, море по колено. Все ему подчиняются, на любой технике, хоть какой секретности и последнего образца, кого захочет «покатать» может. Этот «Ми-8», где их нашли-то с Максимом, он у него вроде личного автомобиля был. Чуть ли не на дачу на нем летал. А это, между прочим, тоже и горючее, и износ. Техника – она ухода требует, подготовки, профилактики. А тут вместо того, чтобы тренировочные полеты готовить, причуды Курбанского исполняй.

– Вам тоже приходилось исполнять эти «причуды»?

– Нет, этого не скажу. Нас, стариков, он не больно донимал, побаивался. Нам его «великая» власть не в диковинку, мы и отпор дать можем, а ребята кто помоложе, так тем просто житья от него не было. Это ведь тоже нарушение, в личных-то целях использовать такую технику. И выходит, что они тоже как бы причастны. Это ведь и под ответ попасть недолго. А ничего не поделаешь, начальник приказал – делай, приказы не обсуждаются. Вот и мой на эту удочку попался. Напились они как-то с друзьями, Курбанский этот, да двое пришлых каких-то, по-моему, вообще гражданские были. Под пьяную руку, как водится, захотелось ему себя показать. Вот и вызвал Максимку моего, дескать, я друзей хочу на боевой машине покатать, а ты у нас за пилота будешь.

«Ночной охотник» на ремонте стоял, зато был «Ми-8», вертолет. Вот и взбрело ему на нем полетать. Дескать, раз уж сейчас ночь, так давайте мы, гости дорогие, на ночной машине попутешествуем. И заставил Максима. А тот в части-то, считай, и полугода еще не отбыл, только-только в институте отучился, где уж ему возражать. Даже мне не сказал. А он, между прочим, не летчик, он авиаинженер, – с нажимом и какой-то даже обидой говорил Китаев, как будто кому-то что-то доказывая. – Конечно, учили их там, и часы у него есть. Практика летная. Должен же он знать, как все это в деле работает. Но профессия-то другая. – Он вздохнул и, махнув рукой, продолжил: – Ладно, что теперь говорить. Теперь уж не поправишь. В общем, поднял он машину, Максимка-то. Мне потом рассказывал, дескать, сам удивился, что получилось. А эти, Курбанский с дружками своими, нет чтобы спокойно сидеть – давай руководить. И это не так делаешь, и то не этак. А он и так еле справляется – первый раз в жизни на такой машине, да еще ночью, а тут эти лезут. В общем, падать они стали. Хорошо еще, Максимка высоту держал, скажем так, предельно низкую. Кое-как сориентировался – сели. Но не на аэродроме, а в поле. И садились-то кое-как, да и перинки никто не подстелил. В общем, если привезли нам машину на профилактический ремонт, то после этого полета встала она на капитальный, да и это еще хорошо. Спасибо Максимке моему. А эти – нет чтобы поблагодарить, что живы остались, так его же еще и обвинили во всем. Представляешь? – возмущенно глянул на Гурова Китаев, незаметно для себя переходя на «ты». – Сам же этот Курбанский, считай, против воли заставил Максима вертолет в воздух поднять, сам управлять мешал, и на него же всю вину свалил. Такая подлая сволочь! Но тут уж я вступился. Это вам не «Ми-8» столетней давности, это боевая машина, да еще и не из нашей части. Это не шутки. Нецелевое

использование боевой техники, порча имущества. Подсудное дело. Максимке моему для первого года службы как-то уж и многовато будет.

– Так что, и суд был? – спросил Гуров.

– Сначала внутреннее расследование назначили. Курбанский-то думал с нахрапа взять, дескать, вот он вам, виновный, берите, казните. Только и мы тоже не лыком шиты. Максимка, конечно, ничего здесь не мог, но сам-то я давно в части. Поговорил с тем да с этим, так, мол, и так, надо выручать парня, а то и впрямь засудят ни за что ни про что, а этот так и будет здесь командовать. А Курбанский уже многим надоел, не только мне. А что, приятно, что ли, когда тебя словно шавку бессловесную шпыняют? Поди туда, поди сюда. Ладно бы еще по работе выпендривался, а то – только в своих личных целях. Ребятам тоже надоело, так что многие согласились мне помогать. Большинство, конечно, анонимно, но мне все впрок пошло. Насобирали на него компромат, да и представил. Так, мол, и так, Максим мой участвовал не по своей воле, а командир далеко не в первый раз и не с ним одним такие штуки проделывает, на что имеются подтверждения. Да и не только это. Он там и приворовывал, и другое разное всякое. Много чего за ним было. А тот как увидел, что жареным запахло, давай искать ходы-выходы, чтобы дело как-нибудь замять. Раньше-то вон как кипятился. А тут присмирел. Только из-за того, что с самого начала вся эта история шум подняла, просто так замять уже не получилось. Под суд его, конечно, не отдали, но в должности понизили и ущерб нанесенный заставили возместить. Выплачивал потом. Аккуратно. Однако хоть и понизили, но по отношению к Максиму он все равно начальником остался, и после всего, что случилось, вышло так, что от начальника этого хоть вон из части беги. Совсем парню житья не стало.

– То есть во всех своих бедах он обвинял Максима?

– Само собой, – возмущенно фыркнул Китаев, – не себя же ему обвинять. Максима, да и меня, старого, вниманием своим не обходил. И главное, в лицо всегда такой вежливый, слова грубого не скажет. Как будто подчеркивает даже – ты, мол, вот как со мной поступил, а я тебя даже пальцем не трогаю. Но зато уж исподтишка, да чужими руками каких только пакостей он нам не делал! Вот хотя бы недавний случай. Проводили тестирование приборов, и ни с того ни с сего непонятно что взорвалось. У Максима ожог был чуть не на половину тела, до сих пор еще следы остались, а виновных нет. Самовозгорание. Изоляция на проводах, говорят, была повреждена. Да когда это у нас изоляция бывала повреждена?! У нас здесь что, кухня коммунальная? У нас военный объект! Каждая деталь, каждая мелочь так отработана – комар носа не подточит! Изоляция.

– Вы думаете, что это было подстроено? – спросил Гуров, очень внимательно слушавший этот рассказ и отмечавший для себя все подробности.

– Да я не думаю, я уверен! – воскликнул Китаев. – На все сто процентов уверен, что подстроено. И это, и другое всякое. Короче сказать, житья нам не стало от начальника от этого. Он когда командиром части был, столько вреда нам не делал, как после того, как его понизили.

«Это-то как раз совсем неудивительно, – подумал Лев. – Курбанский, похоже, думал, что, свалив аварию вертолета на Максима, сможет, как обычно, легко отделаться. А тут встрял старый техник, и дельце не выгорело. Мало того, поскольку изначально сам он постарался все это как можно сильнее раздуть, то и замять без шума и пыли в итоге уже не получилось. Так что с тем, почему Курбанский имел зуб на Максима, все предельно ясно. Жаль только, что именно это и показывает лучше всего, что самые большие претензии к самому Курбанскому мог иметь именно Максим».

– Даже к Лариске подсылал всяких там. К невесте-то Максимкиной, – между тем продолжал Китаев.

– А к ней зачем? – удивленно взглянул на него Гуров.

– Ну как же. Чтоб приставали. Дескать, кинется Максимка защищать, так они его под этим соусом-то и уработают. Сам же гадит исподтишка, сам же издевается. Сволочь подлая!

– И что, ничего нельзя было доказать? Если Курбанский действовал не сам, должны же быть свидетели, очевидцы. Да вот хотя бы сами «посыльные» эти. Неужели они не могли рассказать, кто их подослал?

– Да кто ж его выдаст? Его хоть в должности понизили, но связи-то остались. Он их всех в бараний рог скрутить мог. Да и не только их, и поважнее кого. Там ведь круговая порука – один за всех, все за одного, не один же он куролесил-то. Поэтому и отмазался так легко. Шутка ли – боевой вертолет уделать. А отделался легким испугом, считай.

– Послушайте, а вот вы сказали, что этот Курбанский внешне не показывал своей неприязни, – вернул полковник беседу в нужное русло. – То есть, что касается работы, у вас с ним были как бы вполне адекватные отношения?

– Как сказать? Внешне, пожалуй что, и адекватные. Ведь эта история прогремела на всю часть, открыто враждовать ему как бы не с руки было.

– Неудобно перед коллегами?

– Типа того. И так, считай, на виду у всех в лужу сел. Сам же проштрафился, сам же еще и претензии начал предъявлять. Но если представлялась возможность устроить какую-нибудь пакость, он ни за что не упускал. Мог и специально подстроить, если был уверен, что никто ничего не заподозрит. Как вот с Максимом. Отчего оно возникло, это возгорание? Поди теперь найди. А парень в больнице месяц пролежал. Да и меня тоже не забывал, я говорил уже. Чуть что случится, первый вопрос – а не Китаев ли готовил техническую часть? Или мог, например, приказ какой-нибудь особенный отдать, так что для исполнения либо инструкцию нарушить приходится, либо в неподчинении обвинят.

– Но вы справлялись?

– Выкручивался. Мы ведь тоже не лыком шиты. Я тут подольше этого Курбанского работаю, повидал всякого. Максимку вот жалко, замучил он его совсем.

– Послушайте, Юрий Петрович, но ведь вы не можете не понимать, что все, что вы сейчас мне рассказали, по сути, свидетельствует против Максима. Если этот Курбанский так донимал вашего сына, сама собой напрашивается мысль о мотиве.

– Да о каком мотиве?! – снова в сердцах воскликнул Китаев. – Да вы... Эх!

Чувствуя, что от нахлынувших эмоций не способен говорить внятно, Китаев снова замолчал. Но через пару минут, немного успокоившись, все же продолжил:

– Это вы просто Максима не знаете, поэтому так говорите. Какие здесь могут быть мотивы? У парня невеста, он семью собирался создавать, новую жизнь начинать. Главным в этой жизни был совсем не Курбанский, почему никто не хочет этого понять? Да, конечно, он доставал, создавал неприятности. Но из-за этого калечить свою жизнь, все планы пускать под откос? Да это просто была бы глупость, больше ничего. А мой Максимка – он, может, и импульсивный парень, может, иногда близко к сердцу принимает чего не надо, но только не дурак. Для чего ему в самом начале жизни убийство на свою совесть взваливать? Да еще и подставляться так. Слыхали, что говорят эти следователи? Мол, пырнул ножом, да и сидел себе рядышком, дожидался, когда придут, на месте преступления его застанут. Где это видано? В каком пруду они, дураки такие, водятся?

Аргумент был резонным. Размышляя об этом деле, Гуров и сам приходил к подобной мысли. Но предположения о невиновности Максима не приближали к ответу на вопрос, кто же мог быть виновен в действительности.

– Послушайте, Юрий Петрович, – сказал он. – Вы сами сказали, что очень давно работаете в части. Наверняка знаете все тонкости местных взаимоотношений. Если, как вы утверждаете, ваш сын невиновен в смерти Курбанского, кто же тогда, по-вашему, мог иметь весомый мотив? Кому Курбанский досадил еще больше, чем вашему сыну, досадил так, что этот человек не остановился перед убийством?

– Трудно сказать, – помолчав немного, видимо, обдумывая ответ, произнес Китаев. – От него многие страдали. Я же говорил – всей части житья не было. Зуб на него многие могли держать. Только я так мыслю, что не наши это. Не из технического персонала. Там все свои, нормальные ребята. Да и Максим со всеми в хороших отношениях был. Нет, из наших ему никто такую подставу бы не устроил, это я перед кем хочешь отвечу. Мыслю – из вышестоящих это кто-то. Если и не сами сделали, то, как говорится, заказать всегда могли.

– Почему вы так уверены?

– А как же? Это ведь с ними Курбанский свои темные делишки прокручивал. Вы думаете, за ним вертолет только? Куда там! У него в трудовой биографии, если покопаться, столько интересного насобирать можно, что на несколько уголовных дел хватит. Другое дело, что все это они шито-крыто, втихоря обделывали. И не один, конечно, Курбанский там участвовал. Поэтому вполне может статься, что чего-нибудь они там между собой не поделили, да и повздорили не на шутку. А Максимка мой в крайних оказался. Он ведь на тот момент главным-то уже не был, Курбанский-то. Может быть, запросил не по рангу или еще что. Мало ли. А тем не понравилось. Вот вам и мотив.

– То есть вы хотите сказать, что Курбанский занимался хищениями? – спросил Гуров.

– Еще как занимался! У него даже подразделение специальное для этих целей было выделено. «Отдел научных разработок» называется. Научных-то разработок мы немного оттуда видели. Еще когда Иван Николаевич был, когда план сверху спрашивали, тогда еще делали что-то. А потом уж и это перестали. Не требуют, и не надо. Только для галочки существовал отдел. Но разные способы, как государственные деньги налево уводить, это у них хорошо получалось придумывать.

– И Курбанскому все сходило с рук?

– А почему нет? Он ведь не один там пользовался, я же говорил вам. А когда все замешаны, тут уж предательства опасаться нечего. Тут уж рука руку моет. Вот если между собой чего не поделили, тогда да, тогда все возможно.

– Даже убийство?

– Даже. Потому что, я вам говорил уже, да и еще сто раз могу повторить, Максим здесь ни при чем. Подставили его, и подставили явно, очевидно для всех. В жизни этого никогда не было, чтобы убийца спокойно рядом с трупом сидел и дожидался, когда его обнаружат. Даже если вы Максима не знаете, одно это уже должно насторожить. Но следователям этим, похоже, ни до чего дела нет. Лишь бы галочку в отчете поставить.

– Но мне галочки не нужны. Я хочу выяснить, как все происходило в действительности. И в этом вы можете мне помочь.

– Я? Как это?

– Мне нужно пообщаться с людьми в неофициальной обстановке. Я сегодня уже был в части и, кажется, только зря потратил свое время. О чем бы я ни спросил – в ответ слышал либо заранее заготовленные фразы, либо вообще ничего внятного не слышал.

– А-а, вот оно что, – усмехнулся Китаев. – Это вполне возможно. Очень может быть, что начальство предупредило, чтобы не распускали языки. А что вы хотите? У нас как-никак военный объект. Кому нужно, чтобы про нашу базу по всей стране слава пошла? И так уж с этим вертолетом нахлебались.

– Это понятно, но установлению истины по вашему делу, как вы и сами, наверное, догадываетесь, отнюдь не способствует. Люди либо боятся отвечать на вопросы, либо отбарабанивают заранее заученные ответы. Подскажите мне, как добиться если уж не доверительного, то хотя бы неформального отношения?

– Хм, – задумался Китаев. – Трудно сказать. К каждому подход свой. Единственное, что могу посоветовать, – не опрашивать всех скопом. Тогда точно ничего не добьетесь. Разговаривайте с каждым отдельно и лучше после обеда.

– Когда от сытости настроение улучшится? – усмехнулся Лев.

– Вот-вот. Конечно, самый идеальный вариант – это на ночном дежурстве. Ночью лучше всего языки развязываются. Но вас навряд ли пустят на базу ночью.

– Да, это навряд ли, – согласился Гуров.

Он хорошо запомнил слова Китаева о том, что «наших», то есть технический персонал базы, он склонен подозревать меньше всего. Но для себя решил, что проверить нужно всех – и техников, и вышестоящих.

«Если Курбанский приворовывал, недоразумения при дележе «добычи» возникнуть вполне могли, тут Китаев подметил верно, – думал полковник. – Это мотив не такой уж редкий и, можно сказать, даже классический. Но не исключено, что и среди техников мог оказаться кто-то, у кого не выдержали нервы.

Конечно, совет общаться с людьми после обеда и недурен, но навряд ли я смогу им воспользоваться, так как проникнуть на базу, минуя дежурного, навряд ли удастся».

В поисках способа поговорить с сотрудниками в неофициальной обстановке он прокручивал в голове разные варианты, и вдруг его озарила идея.

– Послушайте, Юрий Петрович, а на чем вы добираетесь на работу? – спросил Лев.

– Я-то? На маршрутке. То есть на служебной маршрутке. За нами в семь утра и в семь вечера микроавтобус присылают, смотря кому в какую смену. Я вот, например, вчера с ночи пришел, сегодня отдыхаю. А завтра, значит, утром поеду, к восьми.

– А можно мне завтра вместе с вами отправиться?

– Наверное, можно, – как-то нерешительно проговорил Китаев. – Если вы говорите, что в части уже побывали и вас знают...

– Да, меня там видели. Но вы, кажется, не поняли, что я имею в виду. Я не собираюсь ехать в часть. Мне нужно только узнать место, где останавливается ваш микроавтобус, и встретиться со смены ваших коллег. Просто проводите меня на эту «контрольную точку», и больше я вас не побеспокою.

– Хотите пообщаться вдали от начальственного глаза? – проницательно взглянул на него Китаев. – Думаете, так проще будет разговорить?

– Именно.

– Что ж, может, в этом и есть резон. Конечно, я провожу. Мне не жалко. Я выхожу в половине седьмого, за полчаса как раз успеваю дойти.

– Вот и договорились, – улыбнулся Гуров и уже собрался попрощаться, как вдруг раздался звонок в дверь.

– Извините, я сейчас, – проговорил Китаев, выходя в коридор.

Уверенный, что это пришла супруга, Лев отправился следом за хозяином, внутренне укоряя себя за то, что так засиделся, и очень удивился, когда из коридора послышался молодой женский голос, никак не подходивший для супруги человека столь почтенного возраста.

– Юрий Петрович! Как вы? Забежала на минутку вас проведать, – торопливо говорила девушка. – У нас тут новости. Вы представляете, мне прислали ответ.

– Ответ? – недоуменно спросил Китаев. – Какой ответ?

– Ну как же! Я ведь говорила вам, что писала в Москву. Помните? Вы еще так усиленно отговаривали, сказали, что не будет от этого никакого толку. Насчет толку пока непонятно, но в бумаге написано, что дополнительное расследование все-таки назначили. Должны прислать кого-то. Так что не совсем уж напрасно я это сделала. Теперь надо ждать, может, и правда кого-нибудь пришлют. Хоть не из местных будет, и то хорошо.

– Лариса... подожди минуту.

– Что?

– Ничего особенного, – выходя в коридор, произнес Гуров. – Просто присланный уже прибыл.

– Ой... Здравствуйте, – смущенно проговорила миловидная белокурая девушка. – Юрий Петрович, вы, оказывается, не один. Что же вы не сказали? Извините, я, наверное, вам помешала.

– Да нет, совсем не мешаете, мне уже пора уходить, – улыбнулся полковник. – А вы оставайтесь, спокойно обсуждайте свои дела. Не буду вам мешать.

– Лариса, это он.

– Кто «он»? – удивленно уставилась на Китаева девушка.

– Тот самый человек. Тот, которого ты ждать собиралась. Он уже приехал. Познакомься.

– А! О... Вот это да! Вот это оперативность. То есть, значит... Значит, вы уже приехали?

– Выходит, что так.

– Так ведь это... ведь это же чудесно! Юрий Петрович! Теперь вы видите? Видите, что не зря были все эти мытарства, все эти бесконечные петиции? – возбужденно проговорила Лариса.

– Вижу, вижу. Только человек уже, наверное, устал, давай мы его отпустим, а потом с тобой обо всем поговорим.

– Да, конечно. То есть... что же вы, вот так вот сразу и уйдете?

– Почему же сразу? Мы с Юрием Петровичем успели уже о многом поговорить.

– Найдите его! – воскликнула Лариса, проникновенно взглянув в глаза полковника. – Максим не виноват, даже не сомневайтесь в этом! Найдите настоящего преступника!

– Я именно для этого приехал сюда, – обнадежил Гуров, покидая квартиру старого техника.

Несмотря на то что беседа с Китаевым намного превысила все возможные и невозможные нормы времени, Лев не считал, что эти несколько часов потрачены зря. Он получил немало конкретной дополнительной информации и теперь гораздо отчетливее представлял себе, каковы тайные пружины, приводящие в движение механизм внутренних взаимоотношений.

Глава 3

На следующее утро в шесть часов полковник уже вновь ехал в такси по направлению к летному городку.

Он не забыл о своем намерении побеседовать с обслуживающим персоналом авиабазы вдали от бдительного начальственного контроля. Служебный автобус, увозивший в часть утреннюю смену, несомненно, должен был привезти оттуда вечернюю, и Гуров решил, что не следует упускать такую возможность.

За пределами базы сотрудники вряд ли так уж строго поддерживали «внутреннюю дисциплину» и заботились о «неразглашении». Поэтому техники и инженеры, возвращавшиеся с работы, представляли собой весьма подходящую аудиторию для бесед на интересующие полковника темы.

Сидя в такси, Лев вспоминал свой вчерашний разговор с Китаевым и те размышления, на которые навела его полученная новая информация.

Он очень внимательно выслушал и очень хорошо запомнил все, что Китаев говорил о денежных махинациях Курбанского. Несомненно, здесь мог крыться мотив, и тогда инициатором убийства действительно мог быть кто-то из «вышестоящих».

Вдобавок он отметил и еще кое-что. Загадочное самоубийство Иванникова, заступившего на пост непосредственно после Курбанского, не выходило у него из головы. И то, что на первый взгляд оно выглядело абсолютно беспричинным, только заставляло лишний раз задумываться над этим вопросом.

Без причин ничего не происходит в этом мире, а уж тем более такой акт, как расставание с жизнью. Что-то здесь, несомненно, крылось, и, узнав о хищениях, Гуров сформулировал некую предположительную версию.

Судя по всему, Кубанский имел большое влияние в части и, даже смещенный с должности, мог оказывать воздействие на происходящее и на принимаемые решения. С другой стороны, способы этого воздействия, судя по рассказу Китаева, не отличались особым благородством. Даже те немногочисленные намеки, которые сделал в разговоре отец Максима, давали ясное понятие о том, каким образом бывший командир части добивался своих целей. Прямота и открытость явно не были ему свойственны. Он предпочитал делать все исподтишка и чужими руками.

Трудно было судить о том, какой характер был у Иванникова, но краткая характеристика, которую еще в Москве дал ему Орлов, да и отзыв Гремина наводили на мысль, что он был полной противоположностью Курбанскому. Волне возможно, что это и породило конфликт.

Курбанский понял, что «преемник» не собирается плясать под его дудку, к тому же и получать «дополнительные доходы» от махинаций, скорее всего, стало проблематичным.

«Не мешало бы поподробнее разузнать про это самоубийство, – думал Лев, подъезжая к «летке». – Его ведь могли элементарно спровоцировать. А могли даже и «помочь». Как именно все произошло? Орлов говорил, что новый командир застрелился из табельного оружия. Но точно ли сам он это сделал или здесь та же история, что и у Максима с этим ножом? Вопрос. Если в самоубийстве Иванникову «помогли» или как-то спровоцировали на такой поступок, наверняка все сразу догадались, кто за этим стоял. А это – еще один существенный мотив для убийства Курбанского. В данном случае инициатором мог выступать кто-то из близких Иванникова, решивший отомстить. Если Иванников не из «местных», до Максима Китаева ему и соответственно его близким очень мало дела. Им нужно было отвести подозрения от себя, а для того, чтобы избежать тюремного срока, как известно, все средства хороши. В этом ключе свалить все на Максима – способ очень неплохой. О его вражде с Курбанским знали все, оставалось только подстроить все так, чтобы он оказался в нужном месте в нужное время. Да, тема

вырисовывается интересная. Только как, спрашивается, к ней подобраться? Этот Гремин и на простые-то вопросы толком отвечать не хочет. А если с ним разговор о махинациях в отделе научных разработок завести, так он вообще онемееет. Нет, лучше не рисковать. Попробую как-нибудь своими силами эти тайны вызнать. Спросить у Китаева? В этом стане «чужих» он пока единственный мой надежный союзник»...

Гуров подъехал к дому № 16 как раз вовремя. Не успел скрыться из глаз синий «Рено», подвозивший его до места, как из подъезда показался Китаев. Сейчас он был одет уже не в гражданское, а в специальную форму.

– Доброе утро! – улыбнувшись, приветствовал он. – Вы уже здесь?

– Как видите.

– Что ж, тогда в путь. Наша остановка на самой окраине, идти не очень близко. Впрочем, я уж привык. Вместо утренней физзарядки.

Территория летного городка была густо усажена деревьями и с виду напоминала собой большой парк, посреди которого стояли жилые дома. Вот и сейчас, направившись следом за Китаевым, полковник углубился в живописную аллею, по обе стороны которой стояли развесистые вязы, создававшие почти непроницаемую тень в это солнечное утро.

– Красиво у вас тут, – издали начал он.

– Правда? А многие, наоборот, пугаются. Как, говорят, в таких домах вообще можно жить.

– Я природу имел в виду, – уточнил Лев. – Смотрите, какие деревья. Настоящая роскошь. А что касается домов, тут вы, конечно, правы. Ремонт явно не помешал бы, причем желательно капитальный.

– Какое там! – безнадежно отозвался его спутник. – Не то что капитальный – штукатурку в подъездах не могут обновить. Все средств у них не хватает. Все стены облуплены, в трещинах, как после бомбежки. А уж канализация эта – даже смотреть страшно. Вся дрянь вниз, под дома стекает, считай, на воде живем. Венеция!

– А начальство ваше тоже в таких домах живет?

– Эти нет. Они больше в пятиэтажке квартируют. Все наши высокие чины там гнездятся. Считай, единственный на всю «летку» нормальный дом. Недавно построили.

– Это такая, с белым цоколем?

– Да, как в белых тапочках, – усмехнулся Китаев.

– Хм, то есть получается, что все вы тут друг от друга недалеко.

– В том-то и дело, – согласился Китаев. – За семь верст не ходить. Руку протянул – вот тебе и Максим, вот тебе и Лариса. А у него, у Курбанского-то, шушеры этой здесь, на побегушках, считай – все. Начальник же. Был. А теперь не то что раньше, теперь всяких тут у нас много, сплошная пьянь-рвань. Как «перестроились», так и пошло. Работать они не хотят, да и не могут уже, а выпить на что-то нужно. Вот и пробавляются кто во что горазд. А для разных подлых штучек такой контингент – самое оно. Вот он и использовал их, Курбанский-то. К Ларисе пристать или Максиму подножку какую подставить – милое дело.

Гуров внимательно слушал и мотал на ус. «Контингент», подходящий для «подлых штучек», который «вовсю использовал» Курбанский, мог пригодиться, конечно же, не только для того, чтобы пристать к Ларисе. Выходило, что возможности насолить Иванникову у него имелись. И даже очень широкие.

Оставалось выяснить, было ли желание.

«Нужно трясти Сырникова, – подумал он. – По факту самоубийства расследование наверняка проводили, хотя бы формально. Командир части все-таки. Пускай хоть из-под земли достает мне это дело».

– Послушайте, Юрий Петрович. Если судить по вашим рассказам, получается, что Курбанский – это человек подлый, беспринципный и для достижения своих целей не останавливающийся ни перед чем.

– А что, так оно и есть. Точнее, было. Конечно, о покойнике, как говорится, или хорошо, или ничего, но я лично об этой «потере» нисколько не жалею. Да и другие, думаю, тоже не особенно плачут. Он, видите как – считай, и после смерти мстить нам продолжает. Так подставить Максима! Это ж надо додуматься все так подстроить!

– Но, надеюсь, вы не думаете, что подстроил это Курбанский?

– Да, было бы забавно, – ответил Китаев. – Сам себя, как говорится. Конечно, я так не думаю. Но ведь и не Максим. А кто? Непонятно. Пока все против нас.

– Мы начали говорить о начальстве, – вернулся Лев к интересующей его теме. – Я, собственно, к чему про Курбанского упомянул. Мне интересно знать, неужели такой человек после того, как его сместили с должности, лишили привилегий и власти, смог вот так вот спокойно смириться с тем, что на его месте – кто-то другой? После назначения нового командира как складывались отношения в части? Бывший и новый начальники ладили друг с другом?

– Вот это вы спросили! Да откуда же я могу знать? Нам про такие тонкости не докладывают.

– Но ведь вы же знали, что он ворует. Даже знали, каким именно способом. А про это вам тоже, наверное, специально не докладывали.

– Ну это уж вы преувеличиваете, – лукаво улыбнулся Китаев. – Единственное, что я знал, – так это то, что он через научный отдел как-то эти деньги крутит. Но об этом все знали. А про начальника... Да он и проработал здесь всего ничего, толком и приглядеться к нему не успели. Так нормальный вроде мужик. Солидный, рассудительный. Даром что молодой.

– Он раньше работал в части?

– Нет. Прислали откуда-то. Чуть ли не из Москвы даже... – Китаев немного подумал, потом уверенно произнес: – Да, точно! Точно – из Москвы. Вспомнил, ребята мне говорили.

– А с Курбанским они как? Сработались?

– Наверное, сработались. По крайней мере, насчет скандалов между ними слышно не было.

– А вообще есть какие-то версии о его самоубийстве? С чего вдруг он заторопился на тот свет, если вокруг все так хорошо складывалось?

– Ох... Какие вы все вопросы задаете, – тяжело вздохнул Китаев. – Откуда же я могу это знать? Да и какое мне дело, как оно там, у начальства. Мне бы со своим разобраться.

– Но вы ведь не хотите сказать, что после того, как в части произошло самоубийство, да не чье-нибудь, а недавно назначенного командира, все так и продолжали спокойно существовать, делая вид, что ничего не произошло. Неужели не было никаких догадок, обсуждений? Сплетен, наконец? Неужели никто не пытался объяснить происходящее, хотя бы для самого себя?

– Сплетни ходили, конечно, это уж как всегда. Только зачем внимание обращать на болтовню всякую? Сплетня – она сплетня и есть. Я не слушал. Единственное что... Вадик мне говорил. Он в тот день заходил зачем-то в кабинет к Иванникову. Зашел – а на нем прямо лица нет. Бледный, как смерть, в пространство смотрит. Стал ему говорить, а он будто и не слышит. Сидит, как каменный, ни на что не реагирует. А потом, где-то через час, секретарша выстрел услышала, истерику подняла. Зашли в кабинет, а он там на ковре возле стола своего и лежит. И кровь из раны. Из виска то есть. Он в висок себе выстрелил.

Гуров слушал этот рассказ, затаив дыхание и стараясь не проронить ни слова.

– Кто это – Вадик? – спросил он, когда Китаев замолчал.

– Вадик? Ну как же. Его все знают. Вадим Ушаков. Он у нас нечто вроде связующего звена. Посредник между технической частью и административной. И у нас за своего, да и с

начальством как-то умудряется дружить. Парень неплохой. И поговорить с ним можно, и в чужие уши не перенесет чего не надо.

– Значит, этот Вадик заходил к Иванникову в кабинет буквально за час до самоубийства?

– Да. А что тут такого? К нему, наверное, и не только он заходил в тот день. Это ведь начальство. Кто-нибудь все время заходит. Вопрос решить или еще что.

– То есть вы и от кого-то еще слышали, что в тот день Иванников был не в себе?

– Я – нет. Я только от Вадика.

– Понятно. Послушайте, Юрий Петрович, а вы не сможете мне устроить с ним встречу? В неформальной, так сказать, обстановке. Сами понимаете, под присмотром бдительного начальства он вряд ли будет откровенничать.

– Это точно, – согласился Китаев. – С Вадиком вам точно нужно где-нибудь подальше от посторонних глаз встретиться. Он к этим сферам-то близко, ему засвечиваться не резон.

– Вот именно, – озабоченно проговорил Гуров. – Хорошо еще, если вдали от посторонних глаз поговорить согласится, а то ведь может и вообще отказаться. Посодействуйте, Юрий Петрович. Ведь оно и в ваших интересах тоже. Если удастся разобраться во всех этих хитросплетениях, вполне возможно, что и на судьбу Максима это повлияет с положительной стороны.

– А Максим здесь при чем? – удивился Китаев. – Его же совсем по другому поводу обвиняют.

– Как знать, – уклончиво ответил Гуров. – Иногда разгадка отыскивается в самом неожиданном месте, из такого закоулка приходит, что и не подумал бы никогда. Чтобы получить ответы на вопросы, я должен во всем разобраться. Так что вы скажете по поводу встречи подальше от посторонних глаз?

– Хм. А знаете что? Он ведь сегодня с вечерним рейсом приедет. Мы-то по сменам работаем, а он к полетам не привязан, у него повременка. Вы к семи вечера сюда же на остановку подойдите, тут и встретите его. Высокий такой, худой как жердь. Сразу узнаете. Патлы во все стороны торчат, и в очках. Он там один в очках. Сутками из-за компьютера не вылезает. Какое тут зрение будет? Вот и поговорите с ним. На лавочке вон или еще где. Вот вам и будет неформальная обстановка.

За разговором собеседники не заметили, как дошли до небольшой площадки, находившейся на окраине летного городка. Жилая застройка осталась далеко позади. О том, что они все еще находятся на территории «летки», напоминали теперь лишь разросшиеся деревья, плавно переходящие в лесопосадку.

Эта лесопосадка тянулась вдоль грунтовой дороги, уводившей в бескрайнюю степь и терявшейся за горизонтом. Глядя на нее, полковник подумал, что, по всей видимости, на авиабазу можно попасть и иными путями, чем тот, по которому вчера вез его Сеня.

Пропустив Китаева вперед, он сбавил шаг и вскоре остановился в сторонке, наблюдая за происходящим и стараясь не привлекать к себе внимания.

Остановка, о которой говорил его провожатый, представляла собой окруженный растительностью тупичок. Сейчас там стояла пассажирская «Газель», рядом с которой оживленно переговаривалась небольшая группа мужчин в такой же форменной одежде, как у Китаева.

Его шумно приветствовали, и он почти сразу исчез из поля зрения Гурова, скрывшись внутри микроавтобуса.

Но сейчас Китаев его уже не интересовал. Гораздо больше внимания привлекала группа, отделившаяся от других и продолжавшая неспешно беседовать, в то время как остальные занимали места в салоне.

Несомненно, это была смена, вернувшаяся с ночного дежурства и собиравшаяся отправиться по домам. Именно с этими людьми и планировал пообщаться Лев, прося Китаева проводить его на остановку.

Совет Китаева «не опрашивать всех скопом» он хорошо помнил. Да и без советов опытный полковник знал, что на откровенности человек гораздо легче пускается, если общаться с ним один на один. Поэтому и не стал подходить к оживленно переговаривавшейся толпе, а подождал, пока она начнет постепенно рассасываться.

После того как от площадки отъехал микроавтобус, это произошло довольно быстро. Пройдя немного по аллее в направлении жилой части летного городка, коллеги начали постепенно прощаться и сворачивать каждый в свою сторону.

Вскоре на тропинке между деревьями остались только два парня, по-видимому, закадычные друзья. Они оживленно и эмоционально обсуждали что-то и даже не заметили приближения полковника.

– Ребята! – громко позвал он, чтобы привлечь к себе внимание. – Можно с вами поговорить?

Те смолкли, как по команде, и, обернувшись, удивленно уставились на Гурова.

– Вы на авиабазе работаете?

– Да, а что? – проговорил один из парней, среднего роста плотный брюнет.

– Ничего особенного. Просто мне нужно побеседовать с кем-то из персонала. По поводу убийства. У вас ведь там убийство произошло. Так вот, я провожу дополнительное расследование. Я из Москвы.

С этими словами Гуров развернул «корочки», и две пары изумленных глаз, оторвавшись от его лица, стали изучать фотографию.

Лев заметил, что при упоминании об убийстве по лицам парней пробежал некий холодок, и в выражении возникла отчужденность. Поэтому, чтобы вновь не жалеть о напрасно потерянном времени, он старался говорить с максимальной непринужденностью, будто это «собеседование» – дело самое обычное.

– Есть версия, что этот парень, которого обвиняют, не очень дружил с бывшим начальником. С другой стороны, родные и близкие утверждают, что он ничего подобного никогда сделать не мог. Нужно разобраться.

– А мы здесь при чем? – неприязненно спросил брюнет.

– Вы – коллеги, – со всей возможной доброжелательностью улыбнулся Лев. – Да и не только вы, я со многими уже говорил, – для убедительности приврал он. – Вы общались с Максимом, хорошо знали его. Как по-вашему, способен он на подобный поступок?

– Не знаю. Парень как парень, – все еще не желая идти на контакт, проговорил брюнет.

– А этот конфликт, о котором все говорят, из-за чего он произошел?

– Не знаю, – повторил брюнет. – Меня там не было. Говорили, что Максим пилотировал вертолет и не смог посадить.

– Но в итоге ему, кажется, не предъявили обвинение?

– Кажется, нет.

– Вместо этого сместили командира части, правильно? Так что же выходит – командир пострадал, прикрывая проступок подчиненного?

Такой поворот явно стал для собеседников Гурова неожиданностью. Брюнет, смутившись, ничего не ответил, а второй парень, невысокого роста блондин с лицом былинного добра молодца, откровенно хмыкнул:

– Да уж, прикроет он, дожидайся. Догонит и добавит еще, вот это вернее будет.

– То есть утверждение о том, что Курбанский придирался к Максиму не по делу, имеет основания? – поспешил ухватиться за ниточку Гуров.

– Наверное, имеет, – все еще продолжая саркастически улыбаться, ответил блондин.

– Сделали героя, – ворчливо пробурчал брюнет. – Как будто он только к нему одному придирался.

– А что, были и другие случаи? – чувствуя, что лед тронулся, оживился Лев.

– А то, – откликнулся блондин. – С Китаевым это просто очень заметно вышло. Вертолет уделали, вот и вылезло все на поверхность. А так он и с остальными творил что хотел. Считай, вся часть у него на побегушках была. «Дедов» еще более-менее не трогал, а кто помоложе или новенький, так тем иногда просто житья не было. Ладно бы еще по делу гонял, а то просто так, для развлечения изгалялся. Власть свою хотел показать.

– Да что новенькие, – подхватил брюнет. – А Миша с Генкой? – взглянул он на своего товарища. – Ты вспомни. Уж кажется, как только не обихаживали они эту его «кастрюлю», а все недоволен был. Гонял их, бедных, чуть не сутками. Каждый винтик перепроверять заставлял по сто раз.

– Кто это, Миша с Генкой?

– Это «экипажники» с «Ми-8», – ответил за товарища блондин.

– «Экипажники»? А что такое «экипажники»?

– Ну это такие люди, которые машину к полету готовят, – сосредоточенно наморщив лоб, объяснил блондин. – И после полета тоже. Проверяют. То есть машина, считай, на полной их ответственности. Техническое состояние и прочее все. Это, так сказать, универсалы. А есть еще «группачи». Они по узкой специальности работают. Электроника там или двигатели. Их привлекают, когда серьезные поломки в каком-нибудь конкретном узле.

– Им, наверное, проще, чем «экипажникам»?

– Еще бы!

– Работка не бей лежачего, – поддержал товарища брюнет.

– А эти Миша и Гена, значит, полностью обслуживали «Ми-8»? Тот самый, на котором так часто летал Курбанский?

– То-то и оно, – сказал блондин. – Максима-то он время от времени доставал, под настроение. А уж с этих, считай, не слезал почти. И главное – вертолет-то списанный. По-хорошему, они и не обязаны даже были им заниматься.

– А по факту целыми днями только им и занимались, – поддержал брюнет.

– Получается, что больше всех доставалось Мише и Гене? – пытался вывести на конкретику Гуров.

– Как сказать, – задумался блондин. – Здесь трудно судить, кому больше, кому меньше. От него, в общем-то, и Китаеву хорошо доставалось. Да и другим. Как-то курсантика одного прямо до нервного срыва довел. Даже в госпиталь отправляли. Не знаю. Это дело индивидуальное. Трудно судить.

– А вот этот вертолет, «Ми-8», его только Миша с Генкой обслуживали, или Курбанский привлекал еще кого-то? Например, тех же «группачей»?

– Да нет. Вроде нет, – вопросительно взглянув на товарища, проговорил блондин.

– Нет, он больше никого не привлекал, – удостоверил тот. – Зачем рисковать? Техника устаревшая, кто с такой не работал, напортачить может. А ребята эту его «кастрюлю» уже до винтика изучили. Если где и возникало что – всегда знали, в чем причина.

– Да и не возникало почти, – поддержал блондин. – Зря, что ли, он их там целыми сутками томил?

– Это точно. Хоть и старая машина была, а работала чики-чики.

– Так, значит, к этому вертолету была прикреплена специальная бригада техников, и они содержали машину в отличном состоянии? – резюмировал Гуров.

– В общем, да, – не совсем понимая, к чему он клонит, сказал блондин.

– Но тогда как объяснить, что в тот день Курбанский велел именно Китаеву проверить исправность гидросистемы «Ми-8»? Максим, если я правильно понял, не входил в бригаду «экипажников», да и сама машина, если верить вашему рассказу, содержалась в порядке. Неполладки в гидросистеме – серьезная проблема, вряд ли бдительные специалисты довели вертолет

до такого состояния. Особенно, если, как вы выразились, и сам Курбанский их «гонял». Для чего же он отправил туда Максима?

По-видимому, такой вопрос не приходил в головы двух друзей, и сейчас, услышав его, они молчали в глубокой задумчивости.

Но Гуров и не ждал исчерпывающих ответов. И без того было ясно, что вся история с проверкой вертолета подстроена изначально. И подстроена, скорее всего, самим Курбанским. Как же так получилось, что в результате сам он и оказался жертвой?

Несомненно, ответ на этот вопрос напрямую мог указать на настоящего преступника. Но пока этого ответа у полковника не было.

– Кстати, ребята, – вновь обратился он к притихшим собеседникам. – А кто обычно пилотировал этот «Ми-8»? Тоже кто-то «специально назначенный» или могли быть разные летчики?

– Кирилл обычно летал, – ответил блондин. – Другого, кажется, не было.

– Нет, не было, – подтвердил брюнет. – Кирилл машину знал, да и Курбанский доверял ему. Хотя поблажек тоже не давал. Это уж как обычно.

– Ну а сами-то вы верите, что Максим действительно виноват? – видя, что к концу беседы отношения потеплели, спросил Лев.

– Не знаю, – помолчав, медленно проговорил брюнет. – Максим – нормальный парень. Да и вообще. Если он ножом его пырнул, чего, спрашивается, сидел там? Не знаю. Странно все это как-то.

– Ладно, ребята. Спасибо за разговор. Не буду вас больше задерживать.

Попрощавшись, Гуров пошел своим путем, а молодые техники еще долго стояли посреди аллеи, обсуждая этот разговор и те новые и неожиданные мысли, на которые навели их вопросы полковника.

Между тем сам он тоже не мог назвать сложившуюся картину предельно ясной.

Чем дальше продвигалось расследование, тем больше появлялось потенциальных кандидатов, у которых мог быть мотив. Отомстить Курбанскому могли «вышестоящие», участвовавшие в его махинациях, если он не поделил с ними добычу. Это могли быть и родственники Иванникова, если его неожиданное самоубийство было спровоцировано какой-то выходкой со стороны Курбанского.

А теперь, после разговора с молодыми техниками, выясняется, что и в среде обслуживающего персонала базы могли найтись недоброжелатели. И не только Максим Китаев. Если «экипажники» «Ми-8», эти самые Гена и Миша, в какой-то момент потеряли терпение, осуществить месть у них были все возможности. Правда, тут возникает нехороший аспект предательства по отношению к товарищу. Ведь Максима-то все-таки подставили. Но тут уж, как говорится, каждый выбирает для себя.

Дойдя до остановки, где пассажиров забирали уже обычные, а не служебные маршрутные «Газели», Гуров остановился в ожидании общественного транспорта, но тут увидел машину с шашечками и, тормознув новенькую «Калину», отправился в прокуратуру.

Следующим пунктом сегодняшней «программы» он наметил изучение материалов по самоубийству Иванникова, и ему хотелось нагрянуть неожиданно, чтобы никто не смог подготовиться к его демаршу и заранее принять какие-либо меры по сокрытию или искажению информации.

Прибыв в прокуратуру и предъявив на проходной удостоверение, Лев сразу поднялся в кабинет к Сырникову.

– Ну как, разобрались? – с веселой улыбкой встретил его следователь. – Убедились, что в этом деле нет никаких подвохов? Все там яснее ясного, и ничего мы не подтасовывали и от себя не прибавляли.

– В том, что вы не прибавляли от себя, я убедился, но что в деле все яснее ясного, я бы не сказал.

– Вы серьезно?

– Да, имеются моменты, которые мне бы хотелось дополнительно прояснить. В частности, что касается этого загадочного самоубийства. Я имею в виду скоропостижную смерть командира, принявшего часть сразу после Курбанского. По этому факту проводилось дознание?

– Разумеется. Только там ведь... это же самоубийство. Сами понимаете, виновных искать здесь сложно. Тем более что произошло все, можно сказать, у всех на глазах.

– То есть? – удивился Гуров.

– Нет, он, конечно, не прилюдно это сделал, – поспешил поправиться Сырников. – Но он застрелился в кабинете, а в «предбаннике» в этот момент находилась секретарша. Она подтвердила, что на момент выстрела Иванников был один, кроме того, в течение почти часа перед этим у него не было посетителей. То есть о каких-то внешних причинах здесь говорить не приходится. Скорее всего, поводом послужило что-то из сферы глубоких личных переживаний.

– Может быть. Но мне все-таки хотелось бы ознакомиться с делом. Могу я его посмотреть?

– Э-э... то есть да, разумеется, – сразу заволновался Сырников. – Но... честно говоря, вы меня застали несколько врасплох. В данный момент под руками у меня нет этих материалов, возможно, они даже уже переданы в архив... Как вы смотрите на то, чтобы ознакомиться с ними, например, завтра утром? К этому времени я успею сориентироваться. Выясню, где сейчас находится это дело, и вы спокойно его почитаете, не тратя время на ненужные ожидания.

– Попробуй выяснить это прямо сейчас, Сергей, – мило улыбнувшись, проговорил Лев. – Я подожду, если нужно.

– Но... я даже не знаю. Боюсь, это будет неудобно. Очень неприятно было бы заставлять вас терять свое время.

– Без этой информации я все равно не могу продолжать расследование. Так что, так или иначе, получить дело мне необходимо. Да и вовсе не обязательно мне сидеть и прохлаждаться, пока ты будешь заниматься поисками. Что я за барин такой? Хочешь, вместе сходим в архив?

Несмотря на то, что Сырников явно хотел совсем другого, Гуров ясно дал понять, что не отстанет, пока не настоит на своем.

Убедившись, что оттянуть роковой момент не удастся, Сырников про архив больше не упоминал. Позвонив, явно только для вида, кому-то из своих коллег, он «выяснил», что дело находится у его непосредственного начальника, того самого, который так любезно предоставил недавно Гурову свою машину.

– А, так оно до сих пор у него? – не очень правдоподобно разыгрывая удивление, говорил Сырников в телефонную трубку. – Надо же! А я думал, он давно уже его передал на хранение.

«Что там с ним такое, с этим самоубийством? – думал Лев, с возрастающим интересом наблюдая за неподдельным волнением следователя. – Обычная халатность в проведении дознания? Как, например, в случае с Максимом, когда все свалили на «очевидность» и не потрудились даже выяснить, откуда взялся нож? Или здесь что-то более серьезное? Чего он так боится, этот Сырников?»

Опасаясь, что эта «боязнь» может спровоцировать следователя изъять из дела какие-нибудь «неудобные» документы, он решил не отступать от него ни на шаг. Сказав, что не хочет «лишний раз утруждать», прошел вместе с ним в кабинет начальника и добился того, что папка с материалами по самоубийству из сейфа напрямую перешла к нему в руки, минуя посредников.

– Вот, пожалуйста, – проводив ее печальным взглядом, произнес Сырников. – Надеюсь, что смогли вам помочь.

– Да, большое спасибо. Очень благодарен за помощь, – кивнул Лев. – А здесь не найдется какого-нибудь тихого местечка, чтобы я мог все это спокойно посмотреть?

– Да вон к Реутову в кабинет пусть сядет, – сказал восседавший за начальственным столом крупный мужчина с высоким лбом и внимательными серыми глазами. – Он все равно сейчас на ограблении, раньше трех не вернется. Проводи, Сережа.

– Да, конечно. Идемте, я вам открою.

Спустившись на первый этаж и взяв у дежурного ключи, следователь провел Гурова в небольшое помещение со стареньким компьютером и огромным количеством каких-то бумаг.

– Вот, пожалуйста, – снова с некоторым оттенком грусти проговорил Сырников. – Проходите, устраивайтесь. Надеюсь, вам будет удобно. Когда закончите, зайдите ко мне, если нетрудно. Нужно будет закрыть здесь, да и дело на место вернуть.

– Да, конечно.

Проводив взглядом опечаленного коллегу, Лев устроился за столом и через минуту уже полностью погрузился в материалы лежавшего перед ним дела о самоубийстве...

...Подполковник Иванников был переведен в Покровск из Москвы с повышением в должности и в чине. Уже один этот факт, казалось, мог обеспечить новоиспеченному командиру и полковнику хорошее настроение на многие годы вперед. И, судя по опросам свидетелей, поначалу именно так все и складывалось.

Опросы эти проведены были довольно тщательно и, так сказать, «широкомасштабно», что не преминул отметить Гуров, отдавая должное своим покровским коллегам. Читая протоколы, он постепенно прояснял для себя картину взаимоотношений нового командира со своими подчиненными. Картина эта выглядела весьма оптимистично.

Упоминания о сдержанности и рассудительности, ровном характере и безупречном воспитании вновь назначенного руководителя встречались практически в каждом протоколе. При чем в этих отзывах не чувствовалось ни малейшей натянутости. Уравновешенность действительно была характерной чертой Иванникова. Предполагать в таком человеке склонность к импульсивным поступкам, а уж тем более к суициду, было абсурдно.

Однако, продолжая изучать протоколы опросов, Лев вскоре заметил и еще один общий момент, который встречался в нескольких из них.

Все, кто заходил в кабинет к Иванникову в день убийства, в один голос утверждали, что на нем, по недавнему образному выражению Китаева, «не было лица». В этот день по разным вопросам к нему заходили пять человек, и каждый отметил, что начальство не в себе. Но о причинах такого состояния никто не пытался даже высказывать предположений. «Все шло хорошо» – вот краткое резюме, в которое выливались все ответы на дотошные вопросы следователей о возможных непредвиденных случаях, которые могли бы расстроить новоиспеченного командира.

«Действительно, похоже на «что-то из сферы глубоких личных переживаний», – вспомнил Гуров замысловатую формулировку Сырникова. – Но тогда отчего же так волновался наш уважаемый следователь? Дознание проведено профессионально, опросы очень тщательные и подробные. Даже более чем. Сразу видно, что следователи действительно стремились докопаться до этой самой «сферы». Результаты, конечно, в итоге оказались небогатые, но в чужую душу ведь не влезешь. Откуда посторонним людям знать, о чем там мог про себя переживать этот Иванников?»

Как бы в ответ на эти размышления, перелистнув очередную страницу дела, он увидел перед собой протокол допроса супруги Иванникова. Она утверждала, что накануне муж был в отличном настроении и утром, отправляясь на работу, тоже был бодр и весел.

«Если супруга не врет, то, кажется, и о глубоких переживаниях здесь говорить не приходится, – вновь с недоумением подумал Лев. – В чем же дело?»

И только когда внимательно и во всех деталях изучил скучнейший протокол осмотра кабинета Иванникова, он понял, отчего так волновался Сырников. Среди бесконечного перечисления предметов, находившихся на рабочем столе Иванникова и в разных других местах, мелькнул почти незаметный пустячок, который коренным образом менял представление об этом самоубийстве.

Дотошные следователи проверили все, не поленившись заглянуть даже в мусорную корзину, стоявшую под столом. По всей видимости, к моменту самоубийства Иванникова мусора там накопилось немного. Все описание содержимого корзины уместилось в двух строчках.

«Смятые листки с черновыми записями, упаковка от степлера, испорченная флэш-карта, непригодная для использования».

Сначала это краткое перечисление не остановило его внимания. Но уже через минуту, озаренный неожиданной догадкой, он перечитывал его последний пункт с живейшим интересом.

«Непригодная для использования. Что должно случиться, чтобы стала непригодной флэшка? Это ведь не телевизор или компьютер, которые могут сломаться оттого, что внутри у них что-то переклинило. Просто кусок железа. И чтобы его испортить, необходимо приложить специальные усилия. Намеренные и целенаправленные. Заметные невооруженному глазу. Как следователи догадались, что флэшка была испорчена? Уж, наверное, не потому, что в компьютер ее вставляли, вытащив из корзины для мусора. Абсолютно ясно, что «испорченность» эта была очевидной и бросалась в глаза. Наверняка этот кусочек памяти либо разломали, либо раздавили, либо расщепили и расчленили, причем так, чтобы о том, что хранится в недрах этой памяти, никто уже не смог узнать».

Теперь причины внезапной перемены в настроении Иванникова можно было объяснить. Хотя бы в виде гипотезы.

По утверждениям жены, на работу в тот день Иванников отправился в прекрасном расположении духа. А сослуживцы, посетившие его кабинет через очень небольшое время, уже нашли его выбитым из колеи.

Один этот факт сразу делал несостоятельными все попытки объяснить самоубийство Иванникова «глубокими личными переживаниями». Если бы они были, то, конечно, не укрылись бы от внимания супруги.

Очевидно, что неприятный и неожиданный сюрприз, так резко изменивший настрой командира части, произошел уже на работе. И весьма вероятно, что испорченная флэшка имеет к этому изменению самое непосредственное отношение.

Нерешенные вопросы оставались, но тем не менее многое в ситуации для Гурова прояснилось. Ему стало понятно, почему так беспокоился Сырников. Флэшка – прямой путь к «невидимым врагам», спровоцировавшим самоубийство. А если верить материалам дела, на нее не только не обратили должного внимания, но даже не потрудились к этим материалам приобщить.

Что здесь сыграло решающую роль – обычная невнимательность или преступная халатность, – по-видимому, так и останется тайной за семью печатями. Несомненно одно – задним числом, по-видимому, уже после того, как уборщица освободила корзину от мусора, озарение все же снизошло в чью-то голову. Но время было упущено.

Возможно, специалисты смогли бы восстановить содержание карты памяти, даже испорченной, но к тому моменту в наличии уже не имелось самой карты.

«Поэтому он и трясется, – с усмешкой думал полковник, вспоминая волнение Сырникова. – Шутка ли – главную улику профукали. Но, по большому счету, дела это не меняет. Страстно желать испортить репутацию новому командиру мог только один человек из всей части – командир бывший».

Поняв, что его предположения о косвенной причастности Курбанского к смерти Иванникова подтверждаются, Гуров подумал, что неплохо было бы выяснить, на чем могли подловить новоприбывшего командира. Судя по тому, что удалось узнать о нем в ходе расследования, порочащих фактов или связей за Иванниковым не числилось. Да и не назначили бы руководителем крупнейшего в стране авиационного подразделения человека, замеченного в чем-либо неблаговидном.

«Может быть, его уже здесь как-нибудь невзначай смогли «запачкать», – предположил он. – В сущности, организовать такую «подставу» не так уж сложно. Иванников человек новый, местных внутренних раскладок не знает. Организовать встречу с каким-нибудь «нужным человеком», да потом и объяснить, с кем это он на самом деле общался и как это может отразиться на его дальнейшей карьере. А если еще, в дополнение к этому, хороший компьютерный специалист под руками окажется, умеющий комбинировать съемки, то тут простор для полета фантазии просто безграничный открывается. А характеристики личности Курбанского, которые довелось услышать, лишь красноречиво подтверждают, что фантазии в подобных вещах ему было не занимать».

Раздумывая, где можно было бы получить информацию на подобную деликатную тему, Гуров решил, что полезно будет пообщаться с супругой Иванникова. Точнее, уже со вдовой. Конечно, сейчас у нее не самый простой период, но выбирать не приходилось. Только она могла дать какие-то наводки относительно отклонения от обычного режима существования своего мужа.

Кроме того, вполне возможно, такой разговор даст что-то полезное и в плане ответов на другие вопросы. Связывают ли родственники Иванникова его гибель с именем Курбанского? И соответственно, стоит ли включать их в список подозреваемых в убийстве последнего? Прояснение этих пунктов полковник считал очень важным и для лучшего понимания обстоятельств самоубийства Иванникова, и для успешного проведения своего основного расследования.

– Спасибо, я ознакомился с делом, – сказал он, вернувшись в кабинет к Сырникову и протягивая ему папку. – Благодарю за оперативную помощь. Надеюсь, что не доставил много беспокойства.

– Какое там беспокойство, что вы! – Сырников улыбался, но глаза его были тревожны. – Если эти материалы помогли вам в чем-то разобраться, я очень рад.

– Да, помогли, – спокойно ответил Гуров, как бы не замечая немного вопроса в глазах собеседника. «Догадался или не догадался?» – так и читалось в них.

«Они тут какие-то суперчувствительные все, – с легкой усмешкой подумал Лев. – Нервен час, еще и этот от расстройства себе пулю в лоб пустит. Что я тогда делать буду?»

Но высказывать вслух свои опасения он не стал. Вместо этого решил уточнить, где обитает сейчас вдова Иванникова, с которой он намеревался поговорить.

– Послушай, Сергей, а ты не знаешь, что стало с семьей Игоря Михайловича после... этого трагического случая? – спросил он. – Наверное, они поспешили уехать отсюда?

– Точных данных у меня нет, но на момент проведения следствия все они так и проживали в летном городке. Времени с тех пор прошло не так уж много, вполне возможно, они и сейчас там. – Видя, что разговор не касается опасной для него темы, Сырников понемногу успокоился и говорил более уверенно.

– Хорошо. Спасибо за информацию и за готовность к сотрудничеству, – еще раз поблагодарил Гуров, собираясь покинуть кабинет. – Твоя помощь пришлась весьма кстати.

– Так как же там с этим убийством? – вдогонку ему проговорил Сырников. – Неужели вы серьезно уверены, что Китаев невиновен?

– Я пока не определился с этим вопросом, – ответил Гуров, закрывая за собой дверь.

Глава 4

Нелли Иванникова проживала в той самой пятиэтажке «в белых тапочках», которую в утреннем разговоре с Гуровым Китаев-старший охарактеризовал как «единственный на всю «летку» нормальный дом». Когда в часть прибыл новый командир, ему выделили там трехкомнатную квартиру, и вдова с детьми все еще жила в ней, никуда не выезжая.

Адрес Гуров нашел в материалах дела и, выйдя из прокуратуры, вновь взял такси.

Доехав до места и поднимаясь на четвертый этаж, он очень надеялся, что если его разговор со вдовой бывшего командира и не окажется максимально информативным, то хотя бы будет искренним и непредвзятым.

– Добрый день, – поздоровался Лев с высокой статной брюнеткой, открывшей ему дверь. – Иванникова Нелли Витальевна?

– Да, это я, – вопросительно глядя на него, ответила женщина.

– Полковник Гуров. Я провожу проверку в связи с чрезвычайными происшествиями, которые в последнее время случились на авиабазе. В частности, мне необходимо уточнить некоторые обстоятельства... кончины вашего супруга. Мы можем поговорить?

При упоминании о муже лицо женщины исказила болезненная гримаса. Но она быстро справилась с волнением и вежливо произнесла:

– Да, если это необходимо. Проходите. – Она шире раскрыла дверь, пропуская гостя, и, проведя его в зал, указала на одно из кресел возле журнального столика: – Присаживайтесь.

– Благодарю. Я постараюсь быть кратким. У меня всего лишь несколько вопросов. Буду благодарен, если вы сможете ответить на них.

– Спрашивайте, – так же сдержанно и без эмоций проговорила Нелли.

– Если я правильно понял, то, что произошло с вашим мужем, явилось для всех большой неожиданностью. У вас есть какие-то предположения о причинах такого его поступка?

– Нет.

– Как у Игоря Михайловича складывались отношения с сослуживцами? Он ведь здесь человек новый. Могли возникнуть недопонимание, трения... В каком настроении он возвращался с работы?

– Он возвращался усталым. Но о трениях я ничего не слышала. Игорь умел ладить с людьми, и, насколько я знаю, отношения с сослуживцами складывались у него неплохо.

– То есть на работе конфликтов практически не было?

– Он не рассказывал мне всех подробностей.

– Но если бы произошло что-то серьезное, вы как супруга, наверное, заметили бы и сами. Негатив подобного рода всегда отражается на настроении человека, тем более родного человека.

– Да, наверное.

– Но вы ничего подобного не замечали?

– Я уже сказала, что нет.

По мере продолжения этой не слишком содержательной беседы Гуров все яснее понимал, что на особую откровенность тут рассчитывать не приходится.

«Этой и предварительный инструктаж не нужен, – с досадой подумал он, – и без него держится, как партизан на допросе. Неужели ей самой неинтересно, почему застрелился муж? Или, может быть, она в отличие от всех остальных это прекрасно знает?»

Но, так или иначе, информацию необходимо было добывать, и Лев решил зайти с другой стороны:

– Переезд в Покровск, наверное, многое поменял в вашей жизни. Режим дня Игоря Михайловича сильно отличался от того, каким он был в Москве?

– Нет, не очень. Он позже приходил домой, а в остальном все было как обычно.

– А вообще за то время, что вы живете здесь, случалось что-то неординарное? Какой-то случай, который вы могли бы назвать из ряда вон выходящим? Скандал, недоразумение? Возможно, не с вами лично, но происшествие, которое вам пришлось наблюдать или невольно участвовать?

– Нет, кажется ничего такого, – в недоумении глядя на полковника и, кажется, не очень понимая смысл вопроса, ответила Нелли.

– Я имею в виду что-то необычное, чего не случалось раньше, – попытался пояснить Лев. – С вами или с Игорем Михайловичем.

– Необычное? Не знаю. Разве что... Однажды он очень сильно выпил. Так, что даже не мог стоять на ногах. Это было действительно необычно. Игорь, он вообще не пьет. Не пил, – снова болезненно сморщив лицо, поправилась она. – А в тот раз... Это было в день, когда пришел приказ о его окончательном утверждении в этой должности. Он сказал, что придет поздно, его пригласили отметить это событие. И действительно, приехал он как никогда поздно, в третьем часу ночи. Бывали, конечно, дежурства, когда он приходил только утром, но ведь это совсем другое. В тот раз он не дежурил. Его привезли на машине и буквально занесли в квартиру. Он был совершенно не в себе, не мог даже идти. Никогда его таким не видела.

– Он как-то объяснил потом свое состояние?

– Сказал – выпили. «Немного перебрал». Но какое там немного! На следующий день даже на работу не пошел, настолько плохо себя чувствовал.

– Раньше подобного с ним не случалось?

– Никогда. Даже на семейных праздниках, когда что-то отмечали, он пил всегда в меру. А уж так, чтобы на следующий день не мог встать... нет, такого я не припомню.

– Вы упомянули о том, что отметить назначение Игоря Михайловича кто-то пригласил. То есть не сам он был инициатором?

– Нет.

– А вы не знаете, кто именно? С кем он отмечал это событие?

– Я не знаю. Это – дела мужа, я не вмешивалась. Только если он сам расскажет.

– Но в тот раз он не рассказал?

– Нет.

– Кроме этого случая, после вашего приезда сюда не происходило ничего экстраординарного?

– Нет. Кажется, нет. По крайней мере, ничего похожего на это происшествие я не припоминаю.

– Понятно. Что ж, спасибо, что уделили мне время. Надеюсь, что не слишком побеспокоил вас своим визитом.

Прощавшись, Гуров спустился вниз и вышел на улицу.

Вечерело, и, взглянув на часы, он решил, что уезжать из летного городка уже нет смысла. Близилось время последней запланированной на сегодня встречи.

Когда из подъехавшей «Газели» начали выходить люди в униформе, очень похожие на тех, которых он видел сегодня утром, Лев сразу выделил среди них нужного ему человека.

Описание внешности Вадима Ушакова, данное Китаевым, было очень точным. Как только из машины показался высокий худой парень со взъерошенными, будто со сна, волосами, он понял, к кому нужно адресовать интересующие его вопросы.

Круглые очки делали Ушакова чем-то похожим на Гарри Поттера, и общее впечатление от его внешности у полковника сложилось положительное. Такие люди обычно общительны и легко идут на контакт. Поэтому Гуров не сомневался, что уж здесь-то не будет проблем с тем, чтобы завязать доверительный разговор.

Но дальнейшее показало, что внешность иногда бывает обманчива.

Как и в первый раз, Лев немного проводил компанию возвращавшихся с работы парней, дожидаясь, когда она поредеет и он сможет спокойно поговорить с Ушаковым. Сейчас ему повезло даже больше – немного пройдя по аллее, Ушаков попрощался с товарищами и свернул на боковую тропинку. Вскоре Гуров нагнал его и попытался завязать разговор, используя приблизительно такое же вступление, какое использовал сегодня утром, обращаясь к двум друзьям-техникам.

Но в отличие от них Вадим оказался гораздо более «тяжелым на подъем».

Уже одно то, что он видел перед собой незнакомца, по-видимому, настораживало. А узнав, что Гуров – проверяющий из Москвы, он окончательно замкнулся и на все вопросы стал давать лишь однотипные, ничего не значащие ответы.

– В день, когда произошло самоубийство, вы заходили к Иванникову? Вам ничего не показалось странным при общении с ним? Все было как обычно? – спрашивал Гуров.

– В целом да, – коротко отвечал Ушаков, и было совершенно ясно, что больше он не прибавит ни слова.

– Многие говорят, что бывший командир части Курбанский был в натянутых отношениях с Максимом Китаевым. Вам что-нибудь известно об этом?

– Я лично с Курбанским не ссорился, а какие у него были отношения с другими, не выяснял. Это не мое дело.

Вести беседу в таком ключе не имело ни малейшего смысла, и, задав еще пару вопросов и получив еще пару очень похожих ответов, Лев счел за лучшее попрощаться.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – с едва заметной иронией произнес он.

– Обращайтесь, всегда рад буду побеседовать, – в тон ему ответил Ушаков и скрылся в подъезде невзрачного трехэтажного дома, очень похожего на тот, в котором жил Китаев.

Полковника огорчило, что беседа с Ушаковым не принесла желаемых плодов и он снова лишь напрасно потерял свое время. Но, поразмыслив, он пришел к выводу, что это как раз тот случай, когда отсутствие результата – тоже результат.

Он помнил, что Китаев называл Ушакова «связующим звеном» между технической и административной частями. Именно он поведал старому технику о неадекватном состоянии Иванникова в день самоубийства. И понятно, что далеко не каждый на авиабазе мог вот так вот запросто зайти в кабинет к командиру части. Следовательно, Ушаков мог знать много такого, что простым смертным было недоступно. И то, что в разговоре с ним он не захотел этими знаниями делиться, только лишний раз подчеркивало, что для подозрений есть все основания.

«Если этот Вадик так усердно шифруется, значит, есть причина, – думал он. – Значит, не все там так кристально чисто, в этих высших сферах. Значит, и предварительная версия о том, что Курбанскому могли отомстить поделщики, пока тоже остается в силе», – идя к остановке, думал Лев.

Он снова не дождался «общественной» «Газели» и, поймав такси, отправился в гостиницу.

И в дороге, и по прибытии в номер Лев не переставал анализировать полученную сегодня информацию, пытаясь сделать хоть какие-то внятные выводы и сформулировать хотя бы начальные, предварительные версии.

Но пока это получалось плохо.

Разговоры сегодняшнего дня и новая информация, которую удалось из них почерпнуть, переворачивали все, что он знал до этого, с ног на голову и заставляли трактовать все события с точностью до наоборот.

Выходило, что каждый, кто так или иначе имел соприкосновение с Курбанским, мог иметь повод убить его. И вдова Иванникова, и обслуживающий персонал эскадрильи, и коллеги по работе, особенно те, с кем вместе он «прокручивал» государственные деньги, – все они могли быть недовольными поведением смещенного командира.

«Эти ребята, которые обслуживали его вертолет, хлебали, наверное, бедолаги, полной ложкой, – думал Гуров. – Не было бы ничего удивительного в том, что в один прекрасный день они сговорились отправить любимого начальника на тот свет. А эта Нелли? «Железная» вдова. Такой бабе заказать человека – как чашку кофе выпить. С шоколадкой. Переживает она, похоже, не на шутку, а значит, супруга своего, суперправильного, любила. И если догадалась, с чьей подачи он пулю себе в лоб пустил, отомстить вполне могла. Сама, конечно, с ножом не бросилась бы, но заказать... Заказать могла. Без сомнения. А уж что касается этого пресловутого отдела научных разработок, тут даже говорить не о чем. Смещенный Курбанский уже не имел такой неограниченной власти, и если в какой-то неудачный момент он что-то не по делу вякнул, убрать его могли не задумываясь».

Итог складывался весьма своеобразный. Если из неискренних и заранее «отредактированных» вчерашних официальных бесед следовало, что убить мог только Максим, то из сегодняшних неофициальных выходило, что убить мог кто угодно.

И обиженные «технари», и безутешная вдова, и жадные поделщики – все они могли претендовать на роль подозреваемых. Причем в первом и третьем случаях мог иметь место сговор, что значительно осложняло дело.

Чем больше полковник размышлял над этим, тем яснее понимал, что все три направления практически равнозначны, и если начинать последовательно отрабатывать каждое из них, это дополнительное расследование может затянуться на годы.

«Нет, это стратегия бесперспективная, – решил он. – Нужно зайти с другой стороны. С точки зрения мотивов мы дело рассмотрели. Похоже, мотивы были у многих. Попробуем теперь подойти с точки зрения самого преступления. Как действовал убийца? Он каким-то образом узнал, что в такой-то момент времени Курбанский будет находиться вместе с Китаевым в кабине вертолета, и подложил туда бомбу. Затаился в неприметном месте, чтобы контролировать процесс и в случае надобности внести свои корректировки, для чего и прихватил с собой нож. Что это может означать? Во-первых, убийца очень хорошо ориентируется в обстановке, следовательно, он – «местный». Во-вторых, он хорошо знаком с техникой. Может заложить взрывное устройство и знает, куда именно нужно его заложить, чтобы достигнуть цели. Таким образом, у нас есть уже две характеристики – «местный» и «технарь». В-третьих, он не боится рисковать. Все действие происходит как на сцене, вертолет – на открытой со всех сторон площадке, тем не менее убийца спокойно прячется неподалеку и в нужный момент вступает в игру. Это может означать либо то, что ему нечего терять, либо то, что у него весьма своеобразный, склонный к рискованным авантюрам характер. И железные нервы в придачу. Вот такой вот «крепкий орешек».

Нарисовав мысленный портрет убийцы, Гуров понял, что на сей раз перед ним достойный соперник.

Несмотря на то, что его изыскания пока не дали каких-то глобальных результатов, он все больше убеждался в непричастности к убийству главного официального подозреваемого. Все новые данные, которые удавалось ему получать, свидетельствовали, что и у многих других были не менее, а иногда и гораздо более весомые мотивы.

А в сочетании со всевозможными несуразностями в доказательствах вина Максима Китаева вообще становилась чем-то призрачным и эфемерным.

Но кто же тогда настоящий преступник?

Размышляя о том, как было задумано преступление, Гуров не сомневался, что изначально «экскурсию» на вертолет задумал сам Курбанский. Наверняка это «тестирование» было очередной провокацией, которые мстительный начальник время от времени подстраивал Максиму Китаеву.

Парень не входил в число «экипажников», обслуживающих вертолет. Да и машина, если верить рассказу двух друзей, работала отлично. Для чего могла понадобиться эта внеплановая проверка? Ответ очевиден.

Задумав очередной «казус», Курбанский мог поделиться с кем-то своей остроумной мыслью, и таким образом об этом узнал убийца. Другого способа не существует. Посторонние могли узнать тайную мысль Курбанского только в том случае, если он ее кому-либо высказывал. А поскольку подобными мыслями никогда не делится с кем попало, вывод напрашивается сам собой. Несомненно, убийца – либо человек, близкий к самому Курбанскому, либо он близок к тому, кто близок Курбанскому.

Так или иначе, здесь приходилось сталкиваться уже со средой «вышестоящих», а по опыту полковник уже знал, что именно в этой среде с ним меньше всего склонны будут делиться информацией. Воздействовать напрямую не получится, значит, необходима провокация. Нужно сделать так, чтобы убийца сам выдал себя.

Гуров имел полное право проводить официальные допросы. И если до сих пор не пользовался им, то лишь по одной причине – потому что сразу понял, что официальными способами ничего интересного не узнает. Но сейчас он собирался прибегнуть именно к официальным путям. Понимая, что враг затаился и предпочитает наблюдать из укрытия, хотел заставить его переменить тактику.

«Нужен хороший, классический «шмон», – решил полковник. – Нагрянуть туда завтра утром, да и выстроить их всех в лучших традициях приснопамятного Советского Союза. Пускай попрയാют. А то они, чай, и позабыли уже, что в отношении их проверка проводится. Так я напoмню. В целом известно мне уже немало. Закинуть одно-другое словечко, дать понять, что мне известно кое-что очень интересное, и посмотреть на реакцию. Не может такого быть, чтобы такое трогательное внимание с моей стороны осталось безответным. У моего «тайного друга» было достаточно времени насладиться покоем. Пора уже ему переходить к действиям».

На следующее утро, как и запланировал накануне, Гуров отправился на авиабазу. В этот раз у него не было поводов воспользоваться служебной черной «Волгой». На место он прибыл на такси, начав уже привыкать к такому способу передвижения по городу Покровску.

Около восьми часов машина затормозила возле административного здания, стоявшего недалеко от летного поля.

Пройдя мимо дежурного, который тотчас его узнал, Лев направился напрямик в кабинет Гремينا.

– Добрый день, – вежливо поздоровался он, совершенно не замечая удивленного недоумения на лице собеседника. – Хотел посоветоваться с вами. Мне нужно опросить кое-кого из ваших сотрудников, и в то же время не хотелось бы слишком уж нарушать ваши трудовые процессы. Как нам удобнее будет поступить? Мне вызывать каждого в прокуратуру, или, может быть, мы могли бы поговорить прямо здесь? Я думаю – какой смысл понапрасну гонять туда-сюда людей? На мой взгляд, это будет несколько нерационально. Как по-вашему?

Поколебавшись между двумя одинаково неприятными для него вариантами, Гремин наконец определился с выбором. Он решил, что, если процесс будет происходить поблизости, так сказать, «на глазах», за ним проще будет проследить и, в случае возникновения чего-то непредвиденного, подкорректировать.

– С кем именно из сотрудников вы хотели бы пообщаться? – стараясь не показывать чувств и эмоций, бушевавших внутри, проговорил он.

– Для начала я бы хотел поговорить с сотрудниками отдела научных разработок, – с самым простодушным видом пустил полковник первую стрелу.

– А какое отношение...

Начав фразу, Гремин осекся и не договорил. По-видимому, он был в курсе тайной миссии этого отдела. Даже если новый командир части сам не принимал участия в темных делах Курбанского, то, несомненно, многих из его «подельников» знал лично.

Поняв, чем может грозить собеседование с сотрудниками отдела, и видя, что уже не успеет их предупредить и проинструктировать, Гремин заметно пал духом.

На этот раз ему не удалось сохранить хладнокровие, и в ожидании ответа полковник с интересом наблюдал за сменой выражений на лице собеседника, в котором, как в зеркале, отражались все нюансы внутренних переживаний.

– Впрочем, разумеется, – смирившись с неизбежным, снова заговорил он. – Конечно, вы можете опрашивать всех, кого сочтете нужным.

– Благодарю, вы очень любезны, – ответил Гуров, решивший ни на йоту не отступать от правил безупречно-официальной вежливости. – Где я могу устроиться? Найдется какое-нибудь помещение, которое я мог бы временно занять?

– Да, конечно. Людмила Сергеевна! – выкрикнул Гремин в направлении двери.

Она тотчас открылась, и в ней возникла секретарша – упитанная и ухоженная женщина средних лет.

– Проводите, пожалуйста, нашего гостя в «тридцатую».

– Да, и еще мне нужен будет список сотрудников отдела, – собрав все дарованное природой очарование, улыбнулся Лев. – Должен же я знать, кого мне приглашать для беседы.

– Разумеется, – тоном осужденного без права на помилование ответил Гремин. – Людмила Сергеевна вам все подготовит.

«Тридцатая» была небольшая комната, расположенная в самом конце коридора. Внутренним убранством она напоминала одновременно кабинет, архив и просто склад ненужных вещей. Но необходимый минимум в виде стола и двух стульев там имелся, и помещение полковника вполне устроило.

Плохо было другое. Отдел научных разработок располагался здесь же, на одном этаже с кабинетом Гремина, но только в противоположном конце коридора. От кабинета начальника до него было намного ближе, чем от комнатки, где сидел сейчас Гуров. И полковник хорошо понимал, что, пока он будет беседовать со своим первым «интервьюируемым», Гремин имеет полную возможность «правильно настроить» всех остальных.

Но хотя от сегодняшних опросов Лев изначально больших результатов не ждал, это его не слишком огорчало. В конце концов, главная цель его визита на авиабазу состояла не в этом.

В ходе предполагаемых бесед он собирался не получить, а наоборот, передать информацию. У него был заранее заготовлен целый список провокационных вопросов, которые, по замыслу, должны были вызвать множество домыслов, спровоцировать разговоры и обсуждения и в итоге заставить настоящего убийцу занервничать и сделать неосторожный шаг.

Гуров очень рассчитывал, что этот неосторожный шаг многое поможет прояснить и покажет, в каком направлении нужно «копать», чтобы докопаться до истины в этом запутанном и неоднозначном деле, где с первого взгляда все казалось таким очевидным.

Он уже успел устроиться за столом в заваленной бумагами комнатке и даже немного соскучиться в одиночестве, когда перед ним вновь предстала ухоженная секретарша.

– Вот, пожалуйста, – сказала она, протягивая ему листок бумаги.

Взглянув на него, Лев увидел несколько фамилий. Напротив каждой из них значилась занимаемая должность.

– Отлично! Благодарю вас, – быстро пробежав взглядом список, сказал он. – Вас не очень затруднит пригласить сюда... да вот прямо по алфавиту. Арсеньев Владимир. Можно его ко мне позвать? Не сочтите за труд.

– Да, конечно, – ответила вышколенная секретарша. – Сейчас позову.

Владимир Арсеньев в списке фигурировал как инженер-конструктор и по совместительству начальник отдела. Под его руководством в отделе работало еще два человека с той же специальностью, а также несколько второстепенных сотрудников.

Но гораздо большее внимание полковника привлекла другая фамилия. Просмотрев список до конца, он обнаружил, что в этом же отделе числится и Вадим Ушаков, тот самый, с которым вчера вечером ему так и не удалось наладить контакт. Напротив его фамилии стояло: «системный администратор». Прочитав это, Гуров сразу вспомнил слова Китаева о том, что «связующее звено» между техниками и административной частью сутками «не вылезает из-за компьютера».

Минут через десять после того, как удалилась секретарша Гремина, Лев услышал неуверенный стук в дверь и громко проговорил:

– Открыто!

Дверь распахнули, и в проеме возник высокий светловолосый мужчина средних лет.

– Проходите, присаживайтесь, – вежливо пригласил Гуров. – Владимир Арсеньев, правильно?

– Да, это я.

Беседа с Владимиром Арсеньевым, поначалу не особенно бойкая, вскоре приняла характер оживленный и эмоциональный.

– Да откуда я могу знать, отчего у него изменилось настроение?! – отчаянно отбивался он, теряя остатки самообладания под мощным давлением наседавшего полковника. – Он мне о своих делах не докладывал. С какой стати?

– А Курбанский? Он тоже не докладывал о своих делах? – не теряя темпа, дожимал Лев. – Вы – руководитель отдела. И вы хотите серьезно уверить меня, что ничего не знаете о финансовых махинациях, которые здесь прокручивал Курбанский?

– Да какое это имеет отношение... – В сердцах Арсеньев чуть было не проговорился, но быстро поправился: – Лично я ни о каких махинациях ничего не слышал и не понимаю, какое это может иметь отношение к убийству.

– Правда? Действительно не понимаете? – ехидно усмехнулся Гуров. – Тогда вас можно только поздравить. Тогда вы, конечно же, и впрямь не замешаны ни в каких нелепых аферах и совершенно не представляете, что бывает, если кто-то захочет урвать себе слишком большой куш, а остальным это не понравится.

– Совершенно не понимаю, о чем вы говорите, – нервно дернулся Арсеньев.

Беседа с остальными сотрудниками отдела научных разработок проходила в том же ключе.

Гуров жестко давил, доводя до истерики взрослых мужчин, и параллельно под разными соусами и предлогами доводил до их сведения, что ему известны некоторые не весьма распространенные факты о закулисной деятельности отдела, а может быть, и не только о ней.

Допросив с пристрастием всех, кто занимал в отделе более-менее значимые должности, он снова вызвал к себе секретаршу Гремина.

– Людмила Сергеевна, не могли бы вы проконсультировать меня, – вежливо улыбаясь, обратился он к женщине, покрывшейся красными пятнами от волнения. – Вот здесь написано: «Белавин Николай, инженер-конструктор». Правильно?

– Да, – едва дыша, пролепетала секретарша.

– Значит, правильно. А, между тем, как ни пытался я его пригласить для беседы, ничего у меня не вышло. От всех я слышал какие-то невнятные заявления о том, что его сейчас нет, а по какой причине – непонятно. Ведь сотрудники отдела, кажется, работают не по сменам?

– Да.

– Тогда почему же сейчас этого работника нет на рабочем месте?

– Он... отсутствует. Временно.

– В отпуске? – Видя, что мадам вот-вот упадет в обморок, Гуров старался демонстрировать максимальную доброжелательность.

– Нет... То есть да. Он... у него неприятности. Личные. Он пока не может выходить на работу, – собрав волю в кулак, выдавила из себя несчастная Людмила Сергеевна.

– Вот оно что. Значит, пока не может, – глубокомысленно потупившись, проговорил Лев. – Хм. Ладно. На «нет», как говорится, и суда нет. А по поводу бригады, обслуживающей «Ми-8», что вы можете сказать? Хоть они-то сейчас на месте?

– «Ми-8»? – изумленно подняла брови секретарша, как будто в жизни не слыхивала подобной странной аббревиатуры.

– Да, «Ми-8», – повторил Гуров. – Тот самый вертолет, в котором произошло убийство. Насколько мне известно, эту машину обслуживали два техника. Геннадий и Михаил, если не ошибаюсь? Они еще выходят на работу? И если так, то нельзя ли пригласить их сюда? Я бы хотел задать несколько вопросов.

– Хорошо, я сейчас узнаю, – чуть не плача проговорила секретарша и вылетела из заваленной бумагами комнатки.

Слушая торопливый стук каблучков по коридору, Гуров удовлетворенно улыбнулся и потер руки.

«Запрыгали голубчики! Подождите, то ли еще будет».

Но в этот раз ему самому пришлось ждать. После того как стихло в коридоре цоканье каблучков, прошло еще минут двадцать, прежде чем он вновь услышал осторожный стук в дверь.

– Войдите! – громко произнес Гуров и приступил ко второму действию задуманного им спектакля.

Геннадий Кочетков и Михаил Березин оказались молодыми ребятами, вполне приятными и даже какими-то очень «правильными» на вид. Но каким бы положительным ни было первое впечатление, отступить от своих планов Лев не собирался.

– Садитесь, ребята, – спокойно произнес он и без лишних предисловий поинтересовался: – Вы всегда носите с собой ножи, или они обычно находятся в кабинах пилотов?

– Что?

– Какие ножи?

Две пары изумленно вытаращенных глаз в недоумении посмотрели на Гурова.

– Ну как же? – без малейших эмоций продолжил он, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Ведь Курбанского зарезали ножом. Правильно? А для этого его нужно было где-то взять. Поэтому я и спрашиваю. Нож всегда находился в кабине, или вы принесли его с собой?

– Да какие ножи... Да мы... да мы вообще, – от волнения не находя слов, заговорил Гена, высокий худощавый брюнет с плакатно-правильными чертами лица. – Да мы здесь вообще ни при чем! – выкрикнул он, так и не подобрав логических аргументов для оправдательной речи.

– Тихо, тихо, – успокаивающе проговорил Лев. – Не нужно так волноваться.

Дальнейший разговор представлял собой ритмичное чередование кратких и невозмутимых реплик полковника с продолжительными и эмоциональными ответами собеседников. Волнуясь и путаясь в словах, Гена и Миша в два голоса доказывали, что ни в чем не виноваты. А «жестокий тиран» спокойно наблюдал за этой бурей страстей, изредка вставляя словцо-другое «для подогрева» и дожидаясь, когда напряжение достигнет нужного накала.

Парни дошли до нужной кондиции довольно быстро. С начала интересной беседы не прошло и получаса, а лица уже покраснелись, бешеные глаза готовы были выскочить из орбит, и полковник чувствовал, что на него вот-вот заорут матом.

– Ладно, ладно, – слегка улыбаясь, примирительно произнес он. – Я ведь не говорю, что кто-то собирается предъявить вам обвинение. Мне просто нужно было уточнить некоторые

детали, прояснить неясности. Спасибо, что согласились помочь мне. Пока можете быть свободны.

Провожая взглядом своих взволнованных гостей, едва не подпрыгивающих от возмущения, Гуров улыбнулся еще шире – ребята ему понравились.

Кроме того, эта беседа в отличие от предыдущей послужила не только инструментом «психической атаки». Из разговора с техниками он сделал для себя важные выводы и даже получил некоторую дополнительную информацию.

– «Пока можете быть свободны»! – послышался из коридора возмущенный голос. – Нет, ты слышал? Главное – «пока».

Ответ на эти слова донесся до слуха полковника уже в виде невнятного «бу-бу-бу», но за всем тем он лишний раз убедился, что выбранная им стратегия вновь принесла нужные результаты.

Не было никаких сомнений, что в самое ближайшее время среди технического состава авиабазы начнется оживленное обсуждение недавнего разговора. Если предполагаемый тайный убийца скрывается именно там, это должно заставить его беспокоиться и начать действовать, чего Лев и добивался.

Дополнительным бонусом, который он извлек из разговора с техниками, обслуживающими «Ми-8», была информация о ноже. Теперь Гуров был уверен, что нож принес с собой убийца, и это в очередной раз подтверждало, что в преступлении не было никакой спонтанности.

«Если принять, что убийца – Максим Китаев, действия его можно объяснить только влиянием нечаянного эмоционального порыва. Происходит взрыв, он видит, что Курбанский без сознания и беззащитен, вспоминает все причиненное им зло, проникается ненавистью, хватает нож и наносит удар. Ни о каких предварительных «заготовках» здесь не может быть даже и речи. Курбанский не стал бы заранее предупреждать своего врага о новом задуманном им издевательстве. И уже тем более не дал бы ему возможности втихаря подсунуть в свой личный вертолет взрывное устройство. Если убийца – Максим, он должен был действовать спонтанно и, следовательно, нож должен был находиться где-нибудь под рукой. Он должен был быть в кабине, а в кабине, если верить утверждениям Гены и Миши, ничего такого никогда не было. Китаев-младший невиновен, это ясно как божий день. Но кто же настоящий убийца?»

Не забывая, что, собственно, затем и пришел сюда, чтобы попытаться получить ответ на этот интересный вопрос, полковник приступил к третьей, заключительной части своей сегодняшней программы.

Он достал блокнот и начал выписывать из него на листок бумаги какие-то фамилии. Закончив работу, снова пригласил к себе очаровательную Людмилу Сергеевну. На сей раз секретарша явилась, окруженная аурой дурманяще-приятного запаха валокордина.

– Нельзя ли пригласить ко мне вот этих сотрудников? – протянул ей Лев листок с фамилиями.

В списке были фамилии людей, заходивших в кабинет к Иванникову в роковой день самоубийства. Еще во время просмотра дела, которое дал ему Сырников, Гуров переписал их к себе в блокнот. Он сделал это, надеясь найти случай поговорить с этими людьми в неофициальной обстановке. Вполне возможно, что в ходе неформального общения удалось бы выяснить дополнительные подробности, ускользнувшие от внимания следователей, проводивших официальный допрос.

Но чем дальше продвигалось дело, тем ему становилось понятнее, что все, кто близок к «верхам» в иерархии авиабазы, совершенно не склонны идти на контакт.

Поэтому он решил пустить в дело свою «заначку».

В разговоре с сотрудниками отдела научных разработок полковник оперировал тем, что ему известно «кое-что» о махинациях Курбанского. В беседе с техниками намекал на то, что у них были весомые мотивы и полная возможность для убийства.

Теперь в качестве провоцирующего момента он собирался использовать тезис о том, что любой из посетителей того дня мог подбросить Иванникову роковую флэшку.

Одним из таких посетителей был Владимир Арсеньев, руководитель отдела научных разработок. Помня, что это был первый из тех, с кем он общался сегодня, эту фамилию Гуров в список включать не стал.

Кроме Арсеньева, в тот день в кабинет к Иванникову заходили еще несколько человек, в основном для того, чтобы получить подпись.

Первой в самом начале рабочего дня к нему зашла секретарша, эта самая Людмила Сергеевна. Если верить ее показаниям, утром у начальства никаких отклонений в самочувствии не наблюдалось, Иванников был «в нормальном настроении» и выглядел адекватно.

Людмилу Сергеевну Гуров в свой список тоже не включил, решив, что если появится необходимость, то он побеседует с ней дополнительно.

Почти сразу следом за ней к Иванникову зашел некто Борис Кравцов из метеорологической службы. Он тоже не заметил в поведении и внешнем виде руководителя никаких отклонений. Однако все, кто заходил после, в один голос утверждали, что Иванников был не в себе.

Гуров понимал, что совсем необязательно, что флэшку подкинула секретарша или этот самый Кравцов. Наоборот, правдивые ответы о том, что Иванников выглядел адекватно, скорее всего, были самым верным доказательством их невиновности. Он склонялся к мысли, что «компрометирующую» флэшку подкинули загодя, и во время посещений секретарши и Кравцова Иванников просто не успел еще ее просмотреть.

Но сообщать об этих своих догадках «гостям», которых сейчас ждал, Лев вовсе не собирался. Наоборот, планировал провести с каждым очень жесткое интервью, давая понять, что у него нет никаких сомнений, что именно его собеседник и есть человек, подбросивший роковую флэшку.

Это удалось ему блестяще.

Первый же визитер, присланный Людмилой Сергеевной, уже через несколько минут после начала беседы находился на грани нервного срыва.

– Что было на флэшке? – глядя на него в упор, раздельно чеканил Гуров. – Видео? Фотографии? Записи переговоров? Что?

– Какие фотографии? На какой флэшке? – срывающимся от волнения голосом говорил сидевший перед ним пожилой мужчина с лысиной во всю голову и несчастными глазами затравленного зверя. – Я понятия не имею, о чем вы говорите.

Василий Ладынин, один из старожилов части, всю жизнь проработавший в ремонтной службе, в тот день заходил к командиру по личному вопросу. Если бы он мог предполагать, что невинное посещение впоследствии обернется подобным кошмаром, он, конечно же, обходил бы кабинет начальника за семь верст.

– Так, значит, вы утверждаете, что в тот день не подбрасывали в кабинет Иванникову флэшку? – сделав зверское лицо, давил полковник.

– Какую флэшку? В какой кабинет? Не знаю я ничего! Не знаю!

– Ладно, – сразу смягчил тон Гуров, увидев, что на этот раз, пожалуй, перестарался. – Не стоит так волноваться. Если не приносили, нужно было так и сказать. Спасибо, можете быть свободны.

Подвергнув приблизительно такому же допросу еще несколько человек, он решил, что поставленная на сегодня задача выполнена – наверняка все вокруг уже кипит и клоочет, – и нисколько не сомневался, что извержение этого вулкана произойдет в нужном ему направлении.

Глава 5

Закончив допросы и выходя из здания, Гуров всей кожей ощущал у себя за спиной гудение растревоженного улья.

Переговорив со всеми, кто его интересовал, он еще раз зашел в кабинет Гремина. Официальным предложением было желание «попрощаться и поблагодарить», в действительности же полковник хотел дополнительно убедиться, что предпринятые им действия дали нужные результаты.

Предположения перешли в уверенность, едва лишь он успел переступить порог кабинета. Гремина он нашел непривычно благодушным и улыбчивым. В сочетании с запахом дорогого коньяка, незримо присутствовавшим в помещении, это наводило на мысль, что все пущенные стрелы благополучно попали в цель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.